

The book cover features a complex collage of images. A large, white, stylized letter 'K' is the central element, formed by several overlapping triangular and trapezoidal shapes. The background consists of various scenes: a close-up of a woman's face with blonde hair, a blue sky with birds, a pink flower, and a hand holding a small object. The collage is decorated with torn paper effects in shades of blue and black. The author's name is written on a white diagonal banner across the top right, and the title is at the bottom.

ЮРИЙ СИДОРОВ

П О В Е С Т Ъ
р а с с к а з ы

ВТОРАЯ
ПОПЫТКА

Юрий Сидоров
Вторая попытка

«У Никитских ворот»

2018

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

Сидоров Ю. В.

Вторая попытка / Ю. В. Сидоров — «У Никитских ворот», 2018

ISBN 978-5-00095-615-1

Герои этой книги, оказываясь в непростых, порой переломных жизненных ситуациях, делают сложный, иногда мучительный выбор, предопределяющий их собственное будущее и будущее дорогих для них людей. Для широкого круга читателей.

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-00095-615-1

© Сидоров Ю. В., 2018
© У Никитских ворот, 2018

Содержание

Вторая попытка	5
1	5
2	10
3	17
4	24
5	32
6	39
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Юрий Сидоров

Вторая попытка: повесть, рассказы

Вторая попытка

1

Голубоватые резиновые ботинки неожиданно возникли перед глазами и сразу заслонили собой весь остальной мир. Точнее, ботинки были скорее серыми, но оттенок голубого в них всё-таки присутствовал. Как будто скрытое за плотными свинцовыми тучами небо напоминало о своём существовании раскинувшемуся под ним бесконечному серому холодному морю.

Ещё мгновение назад мир был совсем иным, обычным и понятным. В глазах Пети привычно рябило от наполовину выкорчеванной из земли морковки, которую им, семиклассникам, надо было подбирать вслед за прошедшим некоторое время назад трактором с какой-то хитрой насадкой, складывать в тяжелеющие раз от раза ведёрки и относить к сортировальному пункту.

До края поля ещё далеко, а только там было спасение. Только там, кинув последние оранжевые корнеплоды в ведро, можно было вздохнуть полной грудью в ожидании приятной дороги домой, в такое родное и особенно желанное сейчас Солнцево, на разболтанном автобусе.

– Ребята, поторопитесь! Что-то мы с вами сегодня отстаём. Так не годится! Посмотрите, седьмой «А» нас уже метров на 20 опередил. Скорее закончим – скорее домой поедem, – откуда-то сверху донёсся до Пети призыв их классной руководительницы Галины Дмитриевны, обладательницы тех самых резиновых ботинок. – Проскураков, а ты чего рот открыл? Что такое интересное обнаружил? Давай, давай морковку подбирай. Уже не очень много осталось.

Если бы не замечание Галины Дмитриевны, Петя даже не заметил бы, что действительно замер с широко открытым ртом. Он не понимал, что происходит. Ещё минуту назад мир казался таким привычным. И вот в нём появились ботинки, принёсшие с собой неизведанные ранее ощущения, которые Петя ещё даже и не мог осознать. Они влекли за собой в заоблачные дали и одновременно тревожили. Больше всего на свете мальчику сейчас хотелось, чтобы эти сказочные серо-голубоватые создания, уберегавшие от осенней размокшей глины ноги Галины Дмитриевны, облачённые в шерстяные розовато-сиреневые чулки, никогда и никуда не уходили. Но любому чуду на свете приходит конец. Ботинки потоптались на месте, наконец наиболее смелый из них сделал первый шаг, второй решил не отставать от собрата, и перед зачарованными глазами Пети возникла плавно удаляющаяся фигурка Галины Дмитриевны во весь её небольшой рост.

– И чего это Пантера нас подгоняет? И так тут три часа уже горбимся! – прошипел, возмущаясь, Мишка Платонов, сосед Пети по парте и одновременно по дому.

* * *

Пантерой в школе называли Галину Дмитриевну. Кличка эта передавалась из поколения в поколение и, похоже, намертво прилипла к их классной руководительнице. Пантера была краткой формой полного прозвища – «Пятнистая Пантера». Существовал и другой сокращённый вариант – просто «Пятнистая», правда, он реже использовался.

Галина Дмитриевна превратилась в Пантеру не из-за какой-то особой свирепости, хотя она была женщиной волевой и строгой, умеющей держать класс в руках. Причина крылась в существовании большого родимого пятна у неё на шее под левым ухом, что причиняло душевные страдания всю жизнь. Правда, с годами пятно становилось всё более блёклым, а его краешек на скуле – и вовсе почти незаметным. К тому же пятно удавалось маскировать причёской. А главное, что муж никогда не попрекал Галину Дмитриевну этой особенностью её внешности. Ну а школьники – что с ними сделаешь? Дети есть дети. Всегда всё видят, даже то, на что взрослый человек и внимание не сразу обратит. Да, прозвище обидное выдумали. Но на то она и педагог, чтобы всё правильно понимать и стараться быть выше обид, хоть это порой и непросто.

* * *

Видя, как быстро удаляется вперёд фигурка Галины Дмитриевны, Петя обнаружил в себе открывшееся второе дыхание и неудержимо устремился за ней, ловко кидая пахнущую осенью морковь в ведро и периодически бегая с ним в руках на сортировку.

– Петька, ты чего, с ума сошёл? Уймись! Куда ты прёшься с такой силой? Ударником, что ли, решил стать? Я уже взмок весь! – недовольно кряхтел Мишка Платонов, стараясь не отстать от приятеля.

Всеми на свете когда-то приходит конец. Вот и казавшаяся совсем недавно длиннющей, как расстояние до Луны, грядка выкорчеванной из отяжелевшей от осенних дождей земли морковки превратилась в последние считанные метры. Петя ощутил себя марафонцем, которому осталось преодолеть спасительные пять белых квадратов финиша. Последнее ведёрко моркови заполнено лишь наполовину, тащить его на сортировку легко и даже приятно. Мальчик оглянулся по сторонам и поймал оттенок удовлетворения на покрасневшихся лицах своих одноклассников. Похоже, все они испытывали те же чувства, что и Петя.

Теперь можно было в ожидании автобуса присоединиться к закончившим работу раньше «ашкам», посидеть на поваленных и уже полусгнивших деревьях, полюбоваться яркими красками клёнов, идеальным фоном для которых служило низкое серое небо, и даже похрустеть вымытой в расположенном рядом родничке морковкой. Зря собирали, что ли!

Вгрызаясь молодыми крепкими зубами в сочную ярко-оранжевую мякоть, Петя, не осознавая причины, ловил взглядом то выныривающую из-за берёзок с клёнами, то вновь скрывающуюся за ними фигурку Галины Дмитриевны. Как же ему хотелось подойти сейчас к учительнице, чем-то привлечь её внимание, заговорить, неважно на какую тему, и ещё раз украдкой рассмотреть голубоватые ботики, прячущиеся в высокой пожухлой траве.

– Ребята, седьмой «А», седьмой «Б», строимся в колонну и идём к шоссе! – звонко крикнула Мария Михайловна, классная руководительница «ашек», преподававшая математику. – Автобусы должны уже подъехать, так что быстро и организованно выдвигаемся.

С радостными криками и гогом оба седьмых класса начали собираться и вытягиваться в длинную идущую вприпрыжку цепочку, которую только обладающий незаурядным воображением человек мог бы назвать колонной. Мария Михайловна шла впереди, а Галина Дмитриевна замыкала шествие, следя, чтобы никто не отстал. Впрочем, желающих не то что отстать, а даже притормозить не было – всем хотелось домой. Всем, кроме Пети Проскурякова. Он был готов на что угодно, даже ещё на одну грядку морковки, лишь бы подольше видеть Галину Дмитриевну.

* * *

Петя брёл нарочито медленно, даже пытался прихрамывать. Правда, хромота эта мгновенно улетучивалась, как только он забывал проследить за своей походкой. Наконец Галина Дмитриевна обратила на него долгожданное внимание:

– Петя, что с тобой? Устал? Уже немного осталось, не отставай, а то ребята будут вынуждены тебя ждать. А зачем же заставлять всех ждать одного?

– Галина Дмитриевна, я, наверное, ногу натёр! – радостно озвучил Петя вовремя пришедшую в голову спасительную мысль.

– Тогда тем более надо поскорее до автобуса дойти, там сапоги снять и посмотреть. В автобусе есть аптечка, лейкопластырь. Давай, дружок, поднажми. Осталось метров триста, не больше.

– Да не надо мне никакого лейкопластыря, – Петя испугался, что при разувании в автобусе его обман вскроется, – наверное, у меня просто носок съехал.

– Тогда быстренько присядь, вон пенёчек стоит, поправь носок и вперёд – догонять ребят! Я тебя подожду.

Петя присел на пенёк, для вида подёргал за верх высокого шерстяного носка – правда, не на той ноге, которой он так старательно прихрамывал – и уже ровным шагом направился к стоявшей на тропинке Галине Дмитриевне.

– Всё в порядке? Ну, беги, догоняй ребят!

– Галина Дмитриевна, а можно, я с Вами дойду? – заливаясь пунцовой краской, пробормотал Петя. – У нас завтра русский будет?

– Конечно, завтра же суббота, русский язык третьим уроком в расписании стоит, – Галина Дмитриевна посмотрела на лицо мальчика и сразу всё поняла.

«Ну вот, ещё один в меня влюбился! Похоже, ни одна параллель не обходится без этого. Хотя Пете этому рановато ещё, седьмой класс только. А ведь мне уже тридцать три. Как летит время, страшно подумать! Скоро пенсионеркой буду... Но ничего, в меня ещё школьники влюбляются, значит, не всё потеряно! – успокаивала себя женщина. – А что, я вполне симпатичная! Вот только пятно это дурацкое... За что судьба мне такой «подарочек» сделала?»

Галина Дмитриевна и Петя дошли до шоссе как раз в тот момент, когда из-за поворота показались автобусы. Так что никому их ждать специально и не пришлось. «Вот и хорошо, – подумала Галина Дмитриевна, – а то всякие слухи начнутся, что у меня снова появился любимчик в классе. Хотя какой из Пети любимчик? Это ведь он от меня становится пунцовым, а не я от него!»

Учительница усмехнулась про себя, представив показавшуюся совершенно нелепой сцену, в которой она ловила бы взгляды семиклассника и пусть не краснела, но хотя бы розовела при встрече с ним. Хорошо, что такого в её жизни никогда не бывало. А что касается Пети, то надо, пожалуй, поосторожнее к нему относиться, это только на пользу пойдёт. Тем более что русский язык и литература явно не относятся к любимым предметам Проскурякова: все его мысли витают в хитросплетениях математических формул и физических законов.

– Галя, чего ты так долго? – подошла к наконец сумевшей отдалиться от Пети Галине Дмитриевне Мария Михайловна. – Я уж начала думать, что кто-то потерялся. Уже и считать начала. Мои все на месте. А твои?

– Маша, да это Проскуряков ногу натёр, вот и пришлось с ним притормозить. Мои тоже вроде все здесь. Сейчас на всякий случай перепроверю.

– Странно, вон твой Проскуряков чуть ли не первым к автобусу ринулся. Ничего он и не натёр! Иначе так бы не бежал.

– Да, мне тоже показалось, что обманывает. Вот только почему уже на пути домой – не пойму, – соврала Галина Дмитриевна.

Они хоть и на «ты», и по именам, но Мария Михайловна на несколько лет постарше, да и вообще не настолько близко знакомы, чтобы понять, какой будет её реакция на подлинную причину поведения Пети.

* * *

Проскуряков тем временем действительно залез в автобус одним из первых, энергично расталкивая локтями одноклассниц, и занял местечко возле прохода, откуда открывался чудесный обзор на первый ряд, где скоро появится Галина Дмитриевна и разместятся чарующие голубоватые ботики. Но, увы, Проскурякова постигло полное фиаско. Вместо Галины Дмитриевны в автобус поднялась Мария Михайловна.

От досады Петя просто закрыл глаза и вообще перестал реагировать на окружающее, несмотря на отчаянные попытки примостившегося рядом Мишки Платонова вернуть его к обычной жизни. Осознав бесперспективность своих усилий, Петин приятель переключился на сидевших впереди и сзади девчонок, стараясь раздать им побольше шелбанов и встречая отчаянное и небезуспешное сопротивление.

По дороге домой автобус заметно отстал от автобуса с «ашками». Как назло, между ними влезали то грузовики, то легковушки, а один раз откуда-то сбоку вывалился целый картофелеуборочный комбайн, заняв собой полторы полосы из двух, которыми обладало Боровское шоссе. Словом, когда наконец-то доехали до родной 3-й школы и вылезли наружу, то Галины Дмитриевны уже нигде не было видно, а ребята из седьмого «А» почти все разбрелись по домам.

* * *

Галина Дмитриевна посчитала, что самым правильным будет сегодня больше не попадаться на глаза Пете. Всё-таки эмоциональный шок у мальчика заметный, надо поберечь его нервную систему. Она быстрым шагом направилась домой. По солнцевским меркам путь был неблизким: надо было пересечь Боровское шоссе и дальше идти дворами между улицами Кирова и 50-летия Октября.

Дома было тихо и буднично, сын Павлик сидел за столом и, подглядывая в лежащее перед ним пособие, старательно разыгрывал какой-то шахматный дебют. Шахматами он увлёкся ещё два года назад, будучи третьеклассником, начал ходить в кружок в Доме пионеров и сейчас уже выполнил норму третьего разряда. Руководитель кружка Михаил Аркадьевич считал Павлика самым способным из кружковцев и частенько давал ему индивидуальные задания.

Галина Дмитриевна расспросила сына о делах в школе, не забыв уточнить, пообедал ли он, и обратив особое внимание на ботанику, с которой, по её мнению, у Павлика сейчас были некоторые проблемы. В какой-то журнальной статье она однажды прочитала, что у многих учителей не хватает времени на воспитание собственных детей, что приводит порой к не очень хорошим результатам. Статья эта запала Галине Дмитриевне в душу, и она дала себе слово ни при каких обстоятельствах не оказаться «сапожником без сапог». Павлик учился в школе неподалёку от дома, у неё при желании была возможность перейти работать в эту школу, но Галина Дмитриевна принципиально этого не делала. Сын должен учиться в таких же условиях, как и другие дети, без всяких поблажек, связанных с присутствием мамы-учителя.

После приятного стояния под тёплым душем надо было приниматься за приготовление ужина, а на столе ждала стопка тетрадей двух пятых классов с диктантом. Проверить тетради

надо было до завтра. Обнаружив в холодильнике полную пачкупельменей, Галина Дмитриевна успокоилась: проблема ужина была решена, так что можно приступить к проверке диктанта.

Оставалось ещё несколько тетрадок, когда хлопнула дверь и раздался такой желанный голос мужа: «Привет! Чем занимаемся?» Виктор работал прорабом на стройке, частенько возвращался домой поздно – то конец квартала, то просто объект далеко, Москва-то ведь большая. Но сегодня ему удалось прийти пораньше.

– Галка, как дела? – Виктор чмокнул жену в щёку. – Как поездка в колхоз? Всю картошку собрали?

– Витя, вспомни, я же тебе говорила, что мы на морковку едем!

– Ой, прости, действительно говорила. Нормально съездили?

– Нормально. Витя, поставь, пожалуйста, вариться пельмени, они в холодильнике, а то я не успеваю, ещё шесть тетрадок осталось.

– Не переживай, я всё сделаю, – Виктор подошёл к сыну. – Как дела у будущего чемпиона? О, я гляжу, ты испанскую партию разыгрываешь, разменный вариант.

Уже перед сном, положив голову на сильную и ласковую руку Виктора, Галина решила его немножко подразнить:

– Витя, а у тебя очередной конкурент появился!

– Не понял! – Виктор повернул голову, чтобы видеть глаза жены.

– Да один мальчик из моего класса в меня влюбился. Хороший такой мальчик!

– Вот я ему покажу, этому твоему ухажёру!.. Хочешь, я его на дуэль вызову? – в глазах мужа светились озорные искринки, которые так любила Галина.

– А на чём дуэль: на шпагах или на пистолетах?

– На шпагах.

– Он тебя одолеет!

– Это ещё почему? Фехтованием занимается?

– Да нет вроде. Зато он просто ткнёт тебя чуть пониже живота, ты и взвоешь! – шептала, ласково посмеиваясь, Галина.

– Но ты же меня перевяжешь и будешь ухаживать?

– Ой, не знаю! Он же тебя победил и к тому же меня любит, я с ним пойду! – Галина вошла в роль и почувствовала себя совсем девчонкой. – А если серьёзно, Витя, мне надо подумать, как минимизировать душевную травму для него.

– Галя, но у тебя же подобные случаи бывали уже не раз.

– То были десятиклассники или девятиклассники, а тут седьмой класс, психика совсем неокрепшая.

– Видишь, какая замечательная у меня жена! Даже семиклассники в неё влюбляются!

– А сам-то меня любишь?

– Люблю, Галочка, и очень. Давай спи. Это у меня суббота выходной, а тебе в школу.

– Издержки профессии. Зато у меня отпуск большой и всегда летом! – Галина показала мужу язык. – Спокойной ночи. Я тебя тоже очень люблю!

2

Не обнаружив около школы Галину Дмитриевну, Петя испытал смешанное чувство досады и относительного успокоения. С одной стороны, он так надеялся увидеть учительницу хотя бы ещё разок, что готов был бежать за ней аж на край света, который в данном случае помещался где-то по ту сторону Боровского шоссе. А с другой стороны, Петя подспудно ощущал, что сегодня ещё одной встречи его натянутые как струна нервы могут и не выдержать. Эмоции настолько сильно захлёстывали последние несколько часов, что сознание вместе с подсознанием дружно молили о передышке.

Поддавшись первому порыву бежать за Галиной Дмитриевной, Петя сделал несколько стремительных шагов, но потом затормозил и остановился в растерянности. Он чувствовал себя вымотанным, словно весь день разгружал вагоны. Правда, Петя никогда в жизни этим ещё не занимался, но именно такое сравнение крутилось у него в голове. Да и где живет Галина Дмитриевна, мальчик не знал. Он припоминал, что учительница, кажется, шла из школы в направлении Боровского шоссе. Но там основная часть их города располагается. Попробуй найди, всё-таки в Солнцево несколько десятков тысяч населения. Не Москва, конечно, но и не деревеньки окрестные.

Надо было возвращаться домой, и Петя повернул назад, на улицу Дружбы, прибавил шаг и скоро догнал Мишку Платонова, энергично пинавшего во все стороны невесть откуда взятую еловую шишку.

– Петька, – обрадовался Платонов, – куда ты подевался? Может, переоденемся, а потом ещё в футбол поиграем?

Предложение было заманчивым. Футбол Проскуряков любил: и сам играл – на дворе, естественно, уровне, – и был страстным болельщиком. Но при этом не какого-то московского клуба, а киевского «Динамо». На этой почве у него возникали острые споры как с мальчишками в школе и во дворе, так и дома с отцом, испокон веков отдававшим предпочтение «Спартаку». Правда, Проскуряков-старший всегда был вынужден признавать, что киевское «Динамо» – вообще-то классная команда, а киевское «Динамо» образца 1975 года¹ – просто феерия!

Но сейчас Пете было решительно не до футбола:

– Нет, Мишка, я домой пойду, полежу немножко, что-то я устал, а может, заболел.

– Чего-то ты темнишь! Какой ты больной? Я за тобой сегодня на поле угнаться не мог. Кстати, а на фига ты такую скорость развил?

– Это я свои силы пробовал, – не очень умело соврал Петя, но Мишка этого не заметил.

– Слушай, а футбола по телику сегодня нету? – не унимался Платонов.

– Не-а, сегодня нет, в воскресенье будет.

Проскуряков с облегчением увидел, что наконец-то дошёл до родного подъезда, и, важно, по-взрослому, пожав Мишке руку, поднялся к себе на четвёртый этаж.

Родителей дома ещё не было, а есть хотелось, и сильно. Пришлось самостоятельно разогреть макароны по-флотски. Но оно того стоило! После дня, проведённого на морковном поле, да ещё сопровождавшегося такими непривычными и сильными переживаниями, блюдо казалось божественным. А запах, какой запах от него исходил и приводил в восторг и томление все клеточки в носу!

Даже к урокам приступать расхотелось, хотя именно из-за уроков Проскуряков так спешил домой. Точнее, из-за одного завтрашнего урока – по русскому языку. Это предмет никогда не относился к Петиним любимым: хотя писал он практически без ошибок, но вот пра-

---

¹ В 1975 году команда «Динамо» (Киев) стала обладателем Кубка обладателей кубков и Суперкубка УЕФА.

вила запоминать плохо и всякий раз удивлялся, зачем они нужны, – ведь и без них знаешь, как пишется то или иное слово. Конечно, ради интереса можно было попытаться вывести правила методом дедукции, но вот желания заниматься этим никакого не было.

Но сегодня мир поменялся, сегодня надлежит сделать домашние упражнения от корки до корки, ведь они были заданы самой Галиной Дмитриевной.

Петя решил отложить русский язык на самый конец, чтобы ничто не отвлекало его от общения с данным предметом, превращавшимся – хоть Петя по неопытности этого пока и не понимал – в заочное свидание с Галиной Дмитриевной. Образ учительницы постоянно находился перед глазами, пока Петя честно и небезуспешно пытался сосредоточиться сначала на заданных по химии условиях и признаках протекания реакций, а затем на предпосылках формирования государственности у восточных славян по истории СССР. Пете было не очень понятно, почему курс истории СССР начинался с царства Урарту, в котором ни социализма, ни Советов точно не было, но мальчик решил оставить этот каверзный вопрос на обдумывание в будущем.

Упражнения по русскому показались Пете скучными и какими-то искусственными. В общем, всё как всегда. Но сейчас перед глазами стоял образ Галины Дмитриевны с её аккуратно зачёсанными и закреплёнными сзади пряжкой перламутрового цвета светлыми волосами, которые не смог разметать в стороны даже весьма заметный осенний ветер, царивший над морковным полем. И этот образ звал на подвиги, в данном случае – на выполнение домашнего задания. Некоторые сомнения в том, правильно ли он сделал упражнения, у Пети остались, но заново штудировать соответствующие параграфы учебника уже не было сил.

За ужином мальчик откровенно клевал носом, на что не преминули обратить внимание родители.

– Что, сынок, устал сегодня? – мама заботливо и мягко посмотрела ему в глаза.

– Ничего, – ответил за Петю отец, – это всё на пользу.

Говорят, что утро вечера мудренее. Но просыпающийся от осенней спячки субботний день, похоже, отнёсся к этому утверждению несколько прохладно. По крайней мере, растрёпанные чувства Пети оставались утром в таком же состоянии, что и вечером.

Спасало то, что родители не спешили вставать. А значит, можно было молча подняться, умыться и выпить кофе с приготовленными ещё с вечера мамой бутербродами. Петя всё это и проделал, но совершенно механически. Чашка кофе тоже не принесла долгожданной бодрости. Петя даже вопреки обыкновению не успел позавидовать маме с папой, для которых уже наступил уикенд.

Галину Дмитриевну удалось увидеть ещё до начала первого урока, когда она поднималась из учительской раздевалки в кабинет русского языка и литературы. На ней был привычный синий крепдешинный костюм с белой блузкой, словно являющейся дополнением к строгой и такой восхитительной причёске. А на ногах – новые белые туфли с бантиками. Точнее, это были не бантики, а выполненные в форме крылышек порхающей бабочки и переливающиеся жемчужинками аппликации. Они были столь восхитительны и столь похожи на перламутровую застёжку в волосах, что просто нельзя было отвести глаз. По крайней мере, Пете точно не удалось этого сделать.

Пока Галина Дмитриевна поднималась на третий этаж, Проскуряков сумел взбежать по противоположной лестнице, стремительно пронестись по всему длинному школьному коридору и начать спускаться навстречу учительнице. И всё это только для того, чтобы увидеть её теперь спереди и буквально выпалить:

– Доброе утро, Галина Дмитриевна!

– Здравствуй, Петя!

* * *

Сначала Галина Дмитриевна хотела поинтересоваться, почему он так запыхался, но поскольку причина в общем-то была очевидна, то решила, что сухого приветствия будет вполне достаточно.

По дороге в школу и ещё раньше, дома, она размышляла, как лучше себя повести, чтобы не наносить травмы неокрепшей психике Пети Проскурякова. Ему ведь и четырнадцати пока нет. Итоговое решение в голову так и не пришло. Галина Дмитриевна подумала, что лучше всего сейчас минимизировать с мальчиком контакты. Но как это сделать, когда в неделю несколько уроков русского языка, да ещё литература и вдобавок классный час? Вот и вертись как хочешь. Понятно, что эта влюблённость скоро пройдёт – время всё лечит. Но когда оно наступит, это самое время? Да и влюблённость слишком сильная для семиклассника, да ещё сразу во взрослую женщину. «Ладно, – сказала сама себе Галина Дмитриевна. – Потом ещё поразмышляю, а сейчас надо настроиться на урок в пятом классе». Вчерашняя проверка тетрадок с диктантом её совсем не порадовала: материал усвоен слабо, значит, придётся сейчас начинать с повтора и немножко отставать от программы.

* * *

Первым уроком у седьмого «Б» была физика. И это стало настоящим спасением для Пети. Удивительный, чарующий мир физических закономерностей покорял своей красотой. Образ Галины Дмитриевны лёгким облачком полетел куда-то вдаль, уступив на время место теплопроводности, конвекции и излучению.

Физика сменилась физкультурой. Можно было побегать с мячиком по школьному футбольному полю. В другое время Петя получил бы от этого занятия сплошное удовольствие, но только не сейчас. Пульс у него начал ощутимо учащаться, причём отнюдь не из-за футбола. Впереди неотвратно вставал на горизонте третий урок – русский язык.

Галина Дмитриевна начала, как обычно, с разбора у доски домашнего задания. Петя вытянул что есть силы вверх руку и подкрепил её умоляющим взглядом. Каждая клеточка его тела рвалась к доске разбирать упражнения.

– Чего это ты перед Пантерой рисуешься? – зашипел прямо в ухо Мишка Платонов.

– Да отстань ты! – раздражённо, как от мухи, отмахнулся Петя и продолжал тянуть руку.

Но Галина Дмитриевна невозмутимо прошла мимо их с Мишкой парты и вызвала Юлю Широкову, которая, похоже, на такой поворот событий вовсе и не рассчитывала.

Отвечала Юля неровно, то давая верные ответы, то путаясь в правилах и определениях и мимикой взывая к одноклассникам за подсказкой. Петя по старой привычке готов был ей помочь, но, во-первых, он сам не очень хорошо знал определения, а во-вторых, не мог решить, является ли подсказка в данном случае допустимой или смахивает на предательство по отношению к Галине Дмитриевне. В итоге минут через десять Юля получила вымученную «четвёрку», и урок перешёл в стадию изучения нового материала.

Петя практически не воспринимал, что рассказывала Галина Дмитриевна, зато всё его внимание было поглощено тем, как она это делала. Рука учительницы мягко перемещалась по выдавшей виды доске, нанося восхитительные ряды строчек с какими-то подчёркиваниями одной, двумя и даже волнистой линиями. Галина Дмитриевна то поворачивалась к классу, внимательно изучая строгими серыми глазами лица своих учеников, то снова брала в руки мел или указку и устремляла взгляд на доску. И в этом момент можно было видеть чарующую перламутровую заколку, надёжно удерживающую зачёсанные сзади слева направо длинные волосы.

Прозвеневший звонок оборвал Петино блаженство. Впереди был последний урок – химия. Как ни странно, он прошёл для Проскурякова удивительно спокойно. Петя сообразил, что теперь он сможет любоваться Галиной Дмитриевной каждый школьный день, а значит, жизнь прекрасна и удивительна! Можно было погрузиться в мир химических реакций и с интересом понаблюдать, как в пробирке или чашечке резко меняется цвет либо что-то начинает бурлить и кипеть. Время за этим занятием пролетело незаметно, прозвенел звонок, и Петя начал лихорадочно перебирать варианты, как бы узнать, где живёт Галина Дмитриевна, а ещё лучше и пойти вместе с ней.

Поначалу повезло. У Галины Дмитриевны в субботу тоже оказалось четыре урока. Петя убедился в этом, сумев быстренько сбежать на второй этаж и изучить расписание всех классов. Значит, оставалось найти повод. Ничего утешительного в голову не приходило, и Петя просто стоял около школьного крыльца и ковырял носком кроссовки землю у краешка клумбы.

Наконец из дверей школы появилась фигурка Галины Дмитриевны. Она направилась к калитке школьного двора. Петя сумел оказаться возле калитки раньше и, стараясь придать своему лицу состояние невозмутимости, сделал первые шаги в сторону Боровского шоссе.

– Проскуряков, – раздался сзади голос учительницы, – а ты почему домой не идёшь?

От неожиданной постановки вопроса Петя выдал первое пришедшее на ум объяснение, показавшееся ему довольно правдоподобным:

– А у меня сегодня ещё занятие шахматного кружка.

– Где? В Доме пионеров? У Михаила Аркадьевича занимаешься? – не унималась Галина Дмитриевна.

«Откуда она всё это знает?» – Петя выглядел ошарашенным. Правдой было то, что он действительно ходил в кружок, который вёл в городском Доме пионеров местный энтузиаст шахмат и к тому же кандидат в мастера спорта Михаил Аркадьевич Араkelов. И самым главным было то, что Дом пионеров располагался по другую сторону Боровского шоссе.

– Да, у Михаила Аркадьевича.

– А что же ты будешь всё это время делать? Кружок, если я не ошибаюсь, в пять вечера.

Слова Галины Дмитриевны были просто нокаутирующими. «И откуда она знает даже расписание?» – Петя терялся в догадках.

Разумного объяснения, где он проведёт несколько часов, остающихся до вечера, у Проскурякова не было. И он еле-еле промямлил:

– Да, наверное, я сейчас домой пойду. До свидания!

Весь план Пети рухнул оглушительно и бесповоротно. От этого на душе стало совсем грустно. А тут ещё дома он попал в разгар генеральной уборки, затеянной по инициативе мамы. Пришлось помогать отцу чистить на улице ковёр. И здесь уже Петя отвёл душу. Бедный ковёр испытал, каждый раз вздрагивая, такое количество нанесённых мальчишкой от души ударов плёткой, что, наверное, на всю свою оставшуюся жизнь стал опасаться любой севшей на него пылинки.

От выбивания ковра у Пети поползло вверх настроение. К тому же бодро идущий процесс генеральной уборки позволил избежать вопросов родителей о том, что нового в школе. Сегодня вести разговоры на эту тему было ох как некстати.

Пообедав и сделав на радостях домашнее задание по любимой физике, Петя отправился в Дом пионеров. В кружок он ходил уже второй год, особыми успехами не блистал, но норму четвёртого разряда выполнил в первом же зачётном турнире. Сейчас Михаил Аркадьевич вёл подготовку к организации нового турнира, в случае успешного выступления в котором можно было рассчитывать и на третий разряд. Квалификационные требования были таковы, что в турнире должны участвовать несколько третьеразрядников. Такие в кружке были, но в основном девятиклассники и даже десятиклассники, занимавшиеся у Михаила Аркадьевича несколько

лет и сейчас приходившие изредка. В десятом классе времени на шахматы не остаётся, надо уже об институте подумывать, и не просто подумывать, а всерьёз готовиться ко вступительным.

Был, правда, ещё один третьеразрядник. Совсем мелкий, пятиклассник. Вундеркинд, как его про себя именовал Петя. Он появился в кружке примерно в одно время с Проскуряковым, но сумел уже выполнить норму третьего разряда. Мальчик этот был спокойный, сосредоточенный. В миру Вундеркинда именовали Павликом Воробьёвым. Петя с ним особенно и не общался – слишком маленький, всего пятый класс. Для семиклассника просто несолидно иметь с таким дело.

Но главное было в другом. Петя трижды до этого играл с Павликом и все три раза проиграл, причём один раз даже белыми фигурами. Было невыносимо обидно: какой-то пятиклассник невозмутимо и методично раз за разом заставлял Проскурякова признавать поражение. И побеждал Павлик заслуженно, без мухлежа, – он просто играл сильнее.

И вот сегодня, неожиданно для Пети, Михаил Аркадьевич предложил ему снова сыграть с Воробьёвым.

– Ребята, квалификационный турнир организуем в ноябре – декабре, – оповестил руководитель кружка. – А посему тем, у кого четвёртый разряд, надо начинать серьёзно готовиться. Буду стараться на каждом занятии каждому найти партнёра среди третьеразрядников.

Далее Михаил Аркадьевич начал составлять пары, одной из которых назвал «Проскуряков – Воробьёв».

Оба мальчика не выразили бурной радости по этому поводу. Петя больше всего боялся проиграть пятикласснику в очередной, уже четвёртый раз в жизни. Вот сыграть бы с десятиклассником, тут и поражение потерпеть совсем не обидно! Проскуряков посмотрел на лицо своего соперника, деловито усаживающегося за стол с расставленными на доске фигурами, и уловил какую-то струнку холодной неприязни к себе. А может быть, это только так показалось. Павлик был, как обычно, молчалив, сосредоточен и внешне совершенно корректен. Он обернулся к стоявшему неподалеку Михаилу Аркадьевичу и ровным, без каких-либо интонаций голосом спросил:

– А кто играет белыми?

– Проскуряков, – ответил тренер. – Ребята, ещё раз повторяю, я ведь это уже говорил. Когда я называю пару, то первым называю того, кто играет белыми. Всем это понятно? Прошу запомнить на будущее.

Игра началась. Петя решил разыграть испанскую партию. И не просто испанскую партию, а свой любимый разменный вариант.

Все шахматисты, по его твёрдому убеждению, делились на две большие категории. Одни любят рисковать, обострять игру, идти вперёд, даже жертвовать пешками, а порой фигурами для того, чтобы захватить инициативу и провести атаку. Вторые, напротив, уделяли перво-степенное внимание обороне, предпочитая журавлю победы в небе надёжную синицу-ничью в руках. Себя Петя безоговорочно относил ко второй категории. Чем плоха ничья? Ну, не добился победы и ладно. Главное – не проиграл! Оборону же легче вести, когда на доске поменьше фигур, особенно обладающих большими возможностями. Чего только ферзь стоит: мало того что по горизонтали и вертикали ходить может, так ещё и по диагонали ему разрешается двигаться. Крайне опасная фигура, особенно в руках таких сильных игроков, как Павлик.

Разменный вариант испанской партии не случайно носил такое название. Он позволял уже в самом начале разменять ферзей и ещё кое-что. На доске стало посвободней и попроще. «Меньше народа – больше кислорода», – облегчённо вздохнул Петя.

Но облегчение оказалось недолгим. Павлик Воробьёв как раз всю последнюю неделю дома разучивал различные варианты испанской партии по пособию о шахматных дебютах и, судя по всему, преуспел в этом занятии. Разменный вариант ему не очень нравился, но Павлик подходил к игре фундаментально: раз такой существует, да ещё и часто применяется, надо его

хорошенько изучить. Как следствие, он сейчас начал чёрными перехватывать инициативу и неспешно, но планомерно сдавливать позиции белых словно тисками. Петя занервничал, страх четвёртого поражения начал о себе явственно напоминать. Он то и дело переводил взгляд с доски на Павлика и назад, пытаясь разгадать, где соперник предпримет наступление. Воробьёв оставался невозмутим, но в его глазах запрыгали озорные чертенята удачи.

К тридцатому ходу у чёрных были целых две лишние пешки. Итог игры сомнений не вызывал – довести партию до победы для чёрных было лишь делом техники, а уж техники Павлику не занимать. Петя лишь смог осуществить наименее болезненный для своей психики вариант поражения. Он не сдался, а просто просрочил отведённое на партию время. Красный флажок на его половинке шахматных часов упал, что означало присуждение победы сопернику.

Мучительно краснея, Петя протянул Павлику руку и поздравил его с победой. За такими жестами, как обязательное рукопожатие перед началом игры и по её окончании, когда руку подаёт проигравший, Михаил Аркадьевич следил очень внимательно. Кружковцы к этим ритуалам быстро привыкли и с удовольствием их соблюдали. Приятно ведь делать так же, как делают международные гроссмейстеры, начиная с самого чемпиона мира.

Аракелов, увидев, что партия закончилась, подошёл к мальчикам:

– Павел, поздравляю! Хорошо поработал над испанской партией. А ты, Пётр, не расстраивайся особо, просто сделай правильные выводы. Проанализируй, где были самые первые твои промахи сегодня. Ребята, сделайте совместный разбор партии. Это я ко всем обращаюсь, кто уже закончил!

После того как проигрыш стал свершившимся фактом, у Проскурякова словно упала гора с плеч. Бояться сегодня было уже нечего, и он совершенно искренне попросил Павлика показать совершённые в игре ошибки.

– Смотри, вот на 15-м ходу мне совершенно непонятно, зачем ты двинул эту пешку, – Воробьёв начал расставлять на доске позицию.

– А ты как бы сыграл?

– Надо подумать, точно не знаю, но я ожидал от тебя вот такого хода ладьёй.

Мальчики углубились в обсуждение возникающих вариантов, а по окончании сегодняшнего занятия кружка продолжили обмениваться мнениями, стоя на улице.

– А ты где живёшь? – неожиданно спросил Петя.

– Да тут недалеко, в районе Кирова, во дворах.

– Давай с тобой пройду, а потом уже домой пойду. Заодно договорим, – предложил Проскуряков.

Ведь где-то в этих дворах должна жить сама Галина Дмитриевна. Возможно, она даже ходит по тем же дорожкам, по которым сейчас пойдёт он.

– Давай, – согласился Павлик.

Они шли довольно медленно, продолжая обсуждать шахматную тему. Около дома Павлика в сгустившейся вечерней темноте виднелись стоявшие рядом друг с другом фигуры мужчины и женщины.

– Да, чего-то мы с тобой припозднились, как говорит моя бабушка. Вон мои родители меня уже встречать вышли, – несколько упавшим голосом произнёс Павлик и следом за этим крикнул: – Мама, папа, я пришёл! Мы сейчас с Петей только договорим, и я поднимусь домой.

– Хорошо, а то мы уже начали беспокоиться, – ответил его отец и, повернувшись к жене, предложил: – Пошли домой, не будем мешать.

– Подожди-ка минутку! – женщина сделала несколько шагов вперёд и спросила: – Петя, а ты почему не здороваешься?

Проскурякова с головы до пят словно пронзило молнией – перед ним стояла Галина Дмитриевна.

– Я... не успел... А мы же с Вами сегодня в школе утром здоровались, – лепетал Петя первое, что приходило в голову.

– Да, здоровались, но потом ведь попрощались. А значит, надо было ещё раз поздороваться! – чеканила слова Пантера.

– Извините, пожалуйста, я не сообразил... Здравствуйте!

– Хорошо. Здравствуй и сразу до свидания, – уже более мягким голосом ответила учительница и обратилась к сыну: – Павлик, только недолго, мы с папой тебя ждём.

Галина Дмитриевна с мужем пошли к подъезду, а Петя недоумённо обратился к Воробьеву:

– А что, Галина Дмитриевна – твоя мама???

– Да, а она у тебя русский ведёт?

– И не только, ещё классный руководитель. Слушай, но у неё же другая фамилия! – мысли Пети не сходились концами.

– Ну и что, так бывает. Просто мама оставила свою фамилию, девичью, а у меня папина фамилия.

– Ладно, поздно уже, заболтались мы с тобой, – Проскуряков чувствовал настоятельную необходимость побыть сейчас в одиночестве. – Пока.

– Пока, – ответил Павлик и пошёл к своему подъезду догонять родителей.

* * *

Его отец в это время, помогая жене в прихожей снять осеннее пальто, заметил в её глазах какое-то озорство:

– Галка, ты чего? Это что, твой очередной ученик ходит на шахматы вместе с Павлом?

– И не просто мой ученик, и не просто на шахматы. Надо было мне, Витенька, тебя с ним познакомить! – лукавая улыбка осветила лицо Галины. – Ведь это и есть твой новый соперник в борьбе за право предложить мне руку и сердце!

– Так я же тебе предлагал руку и сердце N лет назад, и, как я понимаю, ты их приняла! – Виктор мягко обнял жену за плечи и поцеловал её.

– Ну так это когда было! – ответила Галина, розовея от ласкающих прикосновений мужа. – А за внимание женщины надо бороться постоянно, каждый день, не покладая рук! Усвоил, дорогой? А то вдруг я дождусь совершеннолетия Пети и махну с ним куда-нибудь, помахав тебе на прощание ручкой!

– Только попробуй! – Виктор с улыбкой погрозил жене пальчиком.

– Ещё как попробую! Так что не забывай, что меня надо завоёвывать каждый день! – глаза Галины сверкали от счастья. – Ладно, вон шаги Павлика уже слышны. Надо идти ужин разогревать.

3

И вот оно наступило, то самое мгновение, которого Вилор ожидал и одновременно боялся с самого момента посадки в самолёт, все прошедшие почти два часа. Выпускающий раскрыл люк, и на фоне довольно хорошо освещённого салона возникла леденящая душу чернильная бездна. Вилор старался успокоить себя запавшими в память словами инструктора разведшколы: «Не бояться прыжка с парашютом человек с нормальной психикой не может». Правда, потом инструктор сразу же добавлял, что нужно этот естественный страх преодолеть. А вот это у Вилора Скубжевского получалось из рук вон плохо. Сердце бешено колотилось, как перед свиданием с девушкой, в которую безнадежно и без всякого намёка на взаимность влюблён.

Скубжевский посмотрел на сидевшую рядом Таню. Её тонкий, остро очерченный нос с горбинкой заметно побледнел, выдавая царившее в душе девушки напряжение. «Боже мой, как же она всё-таки красива!» – подумал Вилор. Уже ради того, чтобы перед такой красотой не ударить в грязь лицом, надо было прыгать, невзирая ни на что. Тем более что привыкшие за несколько мгновений к контрасту света и тьмы глаза уже различали в проёме люка проблески облаков на фоне звёздного неба, которое совсем скоро должно озариться алыми красками рассвета.

При посадке в самолёте кем-то было решено, что первой будет прыгать Таня, а уж затем на свидание с завораживающей бездной отправится Вилор. От осознания этого обстоятельства Скубжевскому стало легче. Даже если он, покидая самолёт, будет дрожать как осиновый лист, девушка этого не увидит. А значит, можно не обращать специально внимания на предательское трепыхание в руках и ногах. Главное – только прыгнуть. Правда, в самолёте были ещё два выпускника их разведшколы, которых должны будут выбросить в другом районе минут через двадцать. Но на их отношение к неутрачивающей дрожи по всему телу Скубжевскому было глубоко наплевать. И знал он этих парней довольно поверхностно, и вряд ли когда-либо ещё увидит их в своей жизни, даже если все в итоге доживут до конца войны.

– Сёмина, Скубжевский, – обратился к Тане с Вилором сидевший рядом капитан. – всё помните? Какой пароль?

– Скажите, здесь поблизости есть гать на болоте? – первой выпалила Таня.

– Отзыв? – не унимался капитан.

– Идите направо до опушки леса, потом с километр вперёд, – опередил свою напарницу Скубжевский.

– Всё правильно. Таня, Вилор, вы, собственно всё знаете. Информация об этом немецком объекте крайне необходима. Помните об этом, – несколько сдавленным голосом произнёс капитан. – И берегите себя... если получится. Сёмина, приготовиться!

Таня поднялась, одними глазами улыбнулась Вилору и прошла несколько метров, отделившись от чернеющей пасти люка. Скубжевский на мгновение закрыл глаза, а когда снова посмотрел на люк, девушки в самолёте уже не было.

– Скубжевский, приготовиться! – голос капитана вырвал Вилора из одной реальности и позвал в другую. Он механически поднялся, сделал несколько шагов и по властному жесту руки выпускающего на своём плече с закрытыми глазами перешёл через люк в другую вселенную.

Куда-то сразу пропал слух. Тело кувыркнулось. Понять, где верх, где низ, не удавалось. Казалось, что прошла сама вечность, прежде чем Вилор испытал резкий толчок по всему телу от раскрывшегося парашюта. Это был его третий прыжок в жизни, но Скубжевский никак не мог преодолеть липкий страх и каждый раз молил судьбу, чтобы больше такого никогда не было.

Сейчас, летя навстречу земле, Вилор подумал: «А всё-таки я прыгнул! Причём первый раз ночью!.. А мама с папой об этом никогда уже не узнают...»

* * *

При мысли о родителях его глаза мгновенно покрылись плотной пеленой слёз. Вилор проклинал тот палящий от адского солнца летний день, когда немецкая бомба превратила в месиво вагон со всеми людьми в нём. И теперь уже никогда мама с папой не пройдут улицами родного Минска, не увидят его парков и очаровательных домиков Троицкого предместья. Какое это страшное в своей непоправимости слово – никогда.

После гибели родителей Вилору хотелось только одного – мстить, мстить и ещё раз мстить. Причём немедленно! Поэтому когда его, успевшего к началу войны закончить первый курс истфака, вместо передовой отправили в тыл, в разведшколу, разочарованию не было предела. «Зачем я сказал, что хорошо владею немецким языком? – кусал себе губы Скубжевский. – Ведь никто бы не стал это проверять, если бы я не сказал».

Боль в душе оставалась сильной, но уже не такой нестерпимой. Свободного времени в разведшколе практически не было. Занятия, тренировки, снова занятия. Оказалось, и немецкий язык надо совершенствовать. Некоторые курсанты знали его заметно лучше Вилора. А особенно Таня, закончившая два курса в МГУ по германской филологии.

Девушка поразила Скубжевского с первого взгляда. Невысокого роста, стройная, гибкая, с невыносимо красивыми серыми глазами, увлечённо декламирующая «Фауста» на языке оригинала.

Впрочем, времени на «Фауста» практически не было. Положение на фронте не радовало, поэтому срок обучения в разведшколе дважды сокращали, доведя его до 10 месяцев. Учились в ближнем Подмосковье, по Ярославской дороге. Осенью сорок первого года, в наиболее тяжёлые дни и недели обороны Москвы курсанты с особенным напором рвались на фронт, проходивший от них в сотне-другой километров.

Вилор помнил, как к их общей радости от начала контрнаступления Красной Армии под Москвой добавилось особенное ликование курсантов-москвичей, среди которых была и Таня. Девушка вместила все свои эмоции в одно-единственное слово:

– Наконец-то!

Её глаза впервые за несколько бесконечно долгих месяцев тревог сияли счастьем. Скубжевский радовался вместе со всеми, но одновременно вспоминал родной Минск, до которого от линии фронта было ещё так далеко. Догадавшись о причине грусти Вилора, Таня тогда подошла к нему и мягко провела по плечу рукой:

– Ты только потерпи! Потерпи совсем немножко. Видишь, как мы теперь наступаем! Скоро в Минске будем, совсем скоро. А я никогда в Минске не была! Ты мне его покажешь?

– Конечно, Танюша. Обязательно покажу! Минск очень красивый, тебе обязательно понравится. Вот только, – у Скубжевского предательски задрожали губы, и он ничего не смог с этим поделать, – вот только никого у меня там теперь нет. И не только там. Совсем никого. Один я на всём белом свете.

– Ты не один! – Таня старалась его переубедить, хотя и понимала, что ничем не может помочь горю Вилора. – Мы же все с тобой... И я тоже!

В тот врезавшийся в память день Скубжевский осознал, что Таня не просто девушка, которая ему нравится. Он понял, что нашёл свою любовь. И теперь в его жизни нет больше невыносимой пустоты. Вилор представил себе, как они с Таней, отмечая после войны день нашего наступления под Москвой, всегда будут помнить, что для них это ещё и личный праздник, о котором знают только они двое. Вот только бы дожить до победы и увидеть, какая жизнь тогда наступит.

Вилор не признался Тане в своих чувствах ни в тот день, ни после. Он панически боялся услышать от девушки что-то вроде: «Извини. Ты очень хороший человек, надёжный, верный, искренний, умный. Но ты для меня только товарищ. И ты обязательно ещё найдёшь своё счастье. А мы останемся друзьями». Подобные фразы Скубжевский встречал в кино и читал в книгах, всякий раз глотая слёзы. Невыносимо больно было бы услышать их от Тани.

Вилор никак не мог понять, как в действительности относится к нему Татьяна. С одной стороны, она с радостью заговаривала с ним сама и даже дарила украдкой нежные взгляды, а с другой – словно очерчивала невидимую грань, через которую не позволяла переступить.

Скубжевский боялся, что после окончания разведшколы их с Таней дороги разойдутся. Поэтому его радости не было предела, когда выяснилось, что их вместе направляют на задание через линию фронта. Да ещё в Белоруссию. Правда, не в Минск, а в леса и болота Полесья. Впрочем, хорошо, что не в Минск. Сейчас оказаться в родном городе было бы просто невыносимо. Ведь там опустевшая квартира с мамиными платьями в шкафу и солидными отцовскими книгами по философии. А на кухне на полочках чашки и тарелки, из которых они кушали. Тогда, до войны... Вилор боялся, что захлёстывающие эмоции, окажись он вдруг в Минске, помешают выполнить задание, и вообще он всё провалит. Поэтому хорошо, что в Полесье, а не в Минск. И рядом Таня, лучшая в мире девушка.

* * *

Вилор приземлился не слишком удачно. Парашют зацепился за ветви огромной ели, Скубжевского при соприкосновении с землёй занесло в сторону, левая нога подвернулась и теперь ощутимо болела при каждом шаге. Но сейчас, несмотря ни на что, надо было выйти к месту встречи с Таней.

Уже начинало светать. О том, чтобы сложить и присыпать парашют землёй, не могло быть и речи. Слишком сильно он запутался в еловых лапах. Надо было собрать в вещмешок минимально необходимые вещи и побыстрее уходить из точки приземления. Вдруг немцы засекли высадку парашютистов. Правда, ещё была ночь, но ясная и звёздная. Да и звук самолёта, конечно, на земле должны были слышать. Хорошо ещё, что новолуние.

Вилор вынужден был зажечь портативный фонарик, чтобы сориентироваться по карте. Его страшил этот крохотный комочек электрического света, который мог выдать местоположение. Но другого выхода просто не было. Не бродить же по незнакомому лесу наугад. Несерьёзное занятие, особенно для выпускника разведшколы. Конечно, можно было отсидеться неподалёку до момента, когда окончательно рассветет. Скубжевский при иных обстоятельствах, скорей всего, таким образом и поступил бы. Но сейчас им руководило желание как можно скорее найти Таню, убедиться, что с ней всё в порядке. А дальше будь что будет! Главное – будет рядом Таня.

На карте были отмечены две точки сбора – основная и запасная. На основной точке надо было ждать три часа с момента приземления. Если партнёр не появлялся, то, оставив знак в виде обломанного куста или маленького деревца, следовало перемещаться к запасной точке сбора. Если и там встреча не происходила, то необходимо самостоятельно идти в расположение партизанского отряда, которым командовал старший лейтенант Коновалов.

Скубжевский при помощи карты, компаса и интуиции определился с направлением движения. Правда, интуиция оказалась дамой весьма ветреной. Направление пришлось по ходу ещё дважды корректировать. Идти стало легче. Во-первых, боль в ноге практически утихла. А во-вторых, утро вступило в свои права и озарило собой свежую майскую листву деревьев. Пели птицы, прямо в лицо Вил ору улыбались поздневесенние лесные цветы. А впереди была встреча с Таней.

Весна, утро, лес, свидание с самой лучшей девушкой на свете... Вот если бы ещё не было войны... Закрывать бы сейчас глаза, сосчитать до трёх или до десяти, а потом открыть и оказаться в прежнем, довоенном мире. Где живы мама и папа, где всё хорошо. Единственное, что Вилор хотел бы забрать с собой из нынешней жизни в ту, воображаемую, – это Таня.

* * *

Витая среди прекрасных, но, увы, неосуществимых видений, Скубжевский неожиданно для себя самого легко вышел к основной точке сбора. На краю лесной полянки лежало густо заросшее мхом большое дерево, на котором спиной к Вилору сидела до боли знакомая фигурка. От радости Скубжевский перестал следить за тишиной своих движений и сделал несколько шагов обычной походкой. Сразу хрустнули под ногами валявшиеся на земле ветки, сидевшая фигурка вздрогнула и моментально обернулась, одновременно отработанным до автоматизма движением выхватывая из-под стёганки пистолет.

Скубжевский увидел, как девушка, заметив, что причиной тревожного хруста был он, с облегчением улыбнулась, вскочила с дерева и побежала ему навстречу:

– Вилор, ну почему так долго? Я уже всё, что могла, передумала, а тебя всё нет и нет.

– Ну видишь, я здесь, всё в порядке.

Скубжевский положил руки на плечи Тани, и впервые

в жизни она позволила это сделать. Но когда Вилор попытался её ещё и поцеловать, – мягко, но одновременно решительно отвела своё лицо в сторону. Впрочем, Скубжевскому сейчас с лихвой хватило радости и от прикосновения к плечам. Ему казалось, что сквозь свою и Танину плотные стёганые куртки он слышит удары сердца девушки и даже может без труда подсчитать её пульс.

Надо было искать партизанский отряд, командование которого заранее радиограммой было извещено о скором прибытии людей с большой земли для выполнения специального задания. Оставалось надеяться, что отряд не сменил место своей дислокации, известное Вилору и Татьяне. Если сменил, то потребуются дополнительное время на поиски, но молодые люди были уверены, что всё равно найдут партизан. В конце концов, отряд – это ведь не иголка в стоге сена, не может же он просто раствориться в лесу, даже таком огромном, болотистом и труднопроходимом.

Сверив ориентиры на местности с картой, молодые люди выбрали направление движения и пошли, стараясь ступать как можно бесшумнее. Однако постепенно лесная тишина, прохладное, но предвещавшее тёплый майский день утро, трели птиц, способные удовлетворить самый изысканный музыкальный вкус, настраивали на лирический лад и притупляли внимание. Тем неожиданней оказался прозвучавший почти громовым голос, который раздался откуда-то сзади:

– Стой! Руки вверх на голову! Не двигаться!

Скубжевского пробил насквозь холодный пот. Судя по напряжённому и побледневшему лицу Татьяны, она себя чувствовала не лучше. Вилор незаметно изловчился немножечко повернуться и боковым зрением увидел пожилого бородатого человека, одетого в укороченную, видимо, подрезанную шинель без знаков различия. На голове его была плотно нахлобучена выдавшая виды кепка, потерявшая от времени какой-либо определённый цвет, но, похоже, изначально серая. В руках мужика зловеще поблёскивала винтовка.

Следом за бородачом из зарослей орешника показался парень лет двадцати пяти со «шмайссером» в руках. «Так это ж партизаны!» – с облегчением сообразил Скубжевский.

– Товарищи, мы свои! – в голосе Вилора звучала дрожь, которую он не смог пока подавить до конца.

– Это мы ещё разберёмся, кто тут свой, а кто не свой, – развязно ответил парень со «шмайссером». – Оружие есть? Корнейч, обыщи этих гавриков!

Мужик в укороченной шинели, который, судя по всему, и именовался Корнейчем, деловито начал обыскивать Скубжевского. Обнаружив ТТ, он буднично извлёк пистолет и сунул его себе за пазуху.

– А теперь Вы, мадам, – повернулся он к Сёминой.

– Какая я вам тут мадам? – возмутилась Татьяна и прикусила губу, оборвав себя на полуфразе.

Вилор заметил осторожность напарницы и пожалел, что с самого начала обратился к Корнейчу и сопровождавшему его парню словом «товарищи». А вдруг это никакие не партизаны, а самые настоящие полицаи? Правда, у полицаев должны быть в одежде хоть какие-то отличительные признаки, минимум повязка на рукаве. От этой мысли у Скубжевского немного отлегло на душе. Но он продолжал корить себя за то, что так неосторожно поступил при первом же контакте с незнакомыми людьми на оккупированной территории. «Какой из меня, к чёрту, разведчик, если я так оплошал?» – мрачно думал Вилор.

Таня тем временем пыталась решительно протестовать против ощупывания своего тела руками Корнейча:

– Я же женщина, Вы не смеете меня так досматривать!

– А мне всё равно: женщина ты или чёрт в юбке! – ворчал Корнейч, продолжая похлопывать её по одежде. – А ты, девка, к тому же не в юбке, а в штанах.

Корнейч извлёк наружу Танин пистолет и удовлетворённо засунул его себе в карман.

– Давай свяжем им руки! – предложил парень.

– Да ладно тебе, доведём так, тут недалеко. Да и не сбегут они, чую я.

– Прямо к командиру поведём? – не унимался парень.

– А куда ж ещё? – важным голосом ответил Корнейч. – Там он с комиссаром быстро разберётся, что это за птицы. Давай, Лёха, я спереди пойду, а ты замыкай. Держи их на мушке, ежели что.

Упоминание не только о командире, но ещё и о комиссаре обрадовало Скубжевского. Точно партизаны, а не полицаи. Но в следующий раз надо быть повнимательнее, чтобы неосторожное слово не слетало с лёгкостью с языка. Тут цена – жизнь. Он посмотрел на шедшую рядом Таню. Лицо девушки от волнения порозовело, но губы уже не были стиснуты до белизны. Видимо, она тоже немного успокоилась.

Идти под конвоем пришлось с полчаса. Но сейчас хоть не нужно было смотреть под ноги, чтобы лишний раз не хрустнула какая-нибудь веточка. Наконец посреди леса, в сухом сосняке показался лагерь с землянками и уже был слышен шум человеческих голосов. Кто-то чистил винтовку, кто-то пилил дрова, а несколько человек с аппетитом поглощали содержимое своих котелков.

Партизаны, мимо которых проходила процессия во главе с Корнейчем, поворачивали головы и с любопытством разглядывали Таню и Вилора. Причём внимание задерживалось в основном на Сёминой. Как-никак, далеко не каждый день можно увидеть в затерянном в лесу лагере новое миловидное девичье лицо.

– Кого ведёшь, Корнейч? Лазутчиков нашёл? – слышалось с разных сторон.

– Посторонись! Сейчас во всём разберёмся, – отвечал вместо бородача неугомонный Лёха.

Дойдя до штабной землянки, Корнейч на ходу бросил своему напарнику:

– Ты, паря, давай тут с этими побудь, а я до командира спущусь.

Через пару минут он вышел из землянки и коротко приказал:

– Задержанные граждане, заходите внутрь!

В землянке было довольно светло, хотя керосиновая лампа изрядно чадила. Скорей всего, была заправлена не керосином. За дощатым обструганным столом сидели двое. На одном была красноармейская гимнастёрка с тремя кубиками в петлицах. На вид ему было вряд ли больше 25 лет. «Коновалов тоже старший лейтенант, пока всё совпадает», – подумал Вилор.

Второй выглядел заметно старше, с бритой головой. Одет он был в гражданское и носил стриженные щёткой усы с проблёскивающей в них сединой. «Это, видимо, комиссар», – решил Скубжевский и обратился к обладателю кубиков:

– Товарищ старший лейтенант, прикажите оставить нас с Вами наедине. У нас есть очень важное сообщение.

– Корнеич, покури снаружи! – обратился к бородатому мужику предполагаемый командир.

Корнеич недовольно засопел, но, подчиняясь приказу, вышел. Вилор перевёл взгляд на бритоголового.

– От комиссара у меня секретов нет и быть не может! – заметил движение глаз Скубжевского старший лейтенант. – Кто такие будете, куда путь держите?

– Скажите, здесь поблизости есть гать на болоте? – заметив колебания Вилора, взяла на себя инициативу Таня.

Старший лейтенант удивлённо перевёл на девушку взгляд, но быстро взял себя в руки:

– Идите направо до опушки леса, потом с километр вперёд.

– Младший лейтенант Скубжевский, младший лейтенант Сёмина, – представился сам и представил напарницу Вилор. – А Вы, если не ошибаюсь, старший лейтенант Коновалов?

– Так точно. Иван, – протягивая руку сначала Вилору, а затем Тане, ответил командир.

– А я – комиссар отряда Алексей Сергеевич Портнов, – вступил в разговор молчаливый до сего времени бритоголовый мужчина.

– Татьяна, Вилор, – произнёс в ответ Скубжевский.

– Очень приятно. Насколько я знаю, задание у вас особое, сложное, давайте обговорим ваше пребывание в отряде, – предложил Портнов.

– Да подожди ты, Алексей Сергеевич, они же с дороги, голодные. Давай сначала кашей накормим. Не возражаете? – уточнил Коновалов.

– Нисколько! – мечтательно улыбнулась в ответ Таня посмотревшему на неё и уже не пытающемуся отвести взгляд Ивану.

– А ещё неплохо было бы вернуть нам оружие, – напомнил Вилор.

– Ох, чёрт, как же я это забыл! – хлопнул себя по лбу Коновалов и крикнул наружу: – Корнеич, верни товарищам оружие!

Пшённая каша из концентратов показалась удивительно вкусной. На душе у Вилора сделалось тихо и спокойно. Впервые с момента посадки в самолёт он смог по-настоящему перевести дух. Тревоги и волнения отошли в сторону, солнечный день уже окончательно вступил в свои права, а самое главное – рядом была Таня. Скубжевский не отрываясь смотрел на её лицо, но девушка так увлеклась кашей, что не замечала обращённого на неё взгляда.

* * *

А взглядов было не один, а целых два. Иван Коновалов украдкой, но вполне определённо удерживал Татьяну в поле своего зрения. Девушка понравилась ему сразу. Иван не строил в голове никаких планов насчёт будущего, он просто радовался тому, что в его жизни появилась Таня Сёмина. И не важно, что знакомство, скорей всего, будет коротким. Найдут разведчики свой объект, выполнят задание и отправятся в обратный путь. Сколько на это уйдёт времени: неделя, две, месяц? Вряд ли больше. Коновалов, воевавший с первого дня, а затем долго выходявший, но так и не вышедший из окружения, на своём примере знал, как быстро может поме-

няться обстановка. Никогда не знаешь, что будет с тобой завтра и будет ли в жизни само это завтра. Поэтому важен каждый день, каким бы он ни был. Ведь этот самый день может оказаться последним. Разве получится в таких условиях строить долгосрочные планы?

Иван наконец-то пересилил себя и отвёл взгляд от Татьяны:

– Предлагаю обсудить ваше положение в отряде и чем мы можем помочь выполнить данное вам задание. Из штаба партизанского движения нам сообщили, что оно очень важное и связано с поисками определённого немецкого объекта. Приказали оказывать любое возможное содействие. Вот, собственно, всё, что я знаю.

– Да, поставленная задача именно такова, товарищ старший лейтенант, – Вилор старался держаться предельно официально, ощущая зарождающуюся неприязнь к Коновалову из-за внимания последнего к Тане. – Нам надо будет совершать разведывательные походы по окрестностям, попытаться войти в контакт с местным населением. Может, кто-то что-то знает. В идеале желательно захватить «языка» из числа военнослужащих противника. На крайний случай полиция, но только достаточно высокопоставленного, который может владеть интересующей нас информацией.

– Понятно. С «языком» попробуем помочь. Но это потребует операции с нападением на штаб в райцентре. Её надо тщательно подготовить. Поймите, это большой риск, у нас могут быть потери. А если этот «язык» ничего не знает? Тогда получится, что ребята погибли зря... Сердце кровью обливается, когда кого-то теряем. Мы же здесь уже сроднились, как одна семья стали, костяк отряда с лета сорок первого, вместе из окружения выходили.

– Товарищ старший лейтенант, мы всё понимаем, но Вы сами спросили о помощи. Поимка «языка» – это реальная помощь, – настаивал Скубжевский.

– Да я всё понимаю, подумаем вот с комиссаром вместе, как лучше сделать. И ещё. Что о вас мы ребятам в отряде скажем? Вы же не будете, как все бойцы, общему распорядку подчиняться? Значит, станет ясно, что у вас спецзадание.

– Видимо, не удастся скрыть, что у нас спецзадание. Тем более если речь идёт о захвате «языка» или ещё о какой-нибудь операции отряда в помощь нам. В отряде же не должно быть предателя? – вступила в разговор Таня.

Коновалов с удовольствием перевёл на неё взгляд. Теперь у него была уважительная причина любоваться девушкой, выдавая поедание глазами за жест вежливости к собеседнице.

– Алексей Сергеевич, что думаешь? – обратился командир к Портнову.

– Я тоже склоняюсь к тому, что высказала товарищ Сёмина, – задумчиво провёл рукой по бритой голове комиссар. – Полностью скрыть, что прибывшие к нам товарищи выполняют спецзадание, нам не удастся. А значит, надо действовать с учётом этого. Думаю обратить данное обстоятельство на пользу дела. То, что наши бойцы будут знать, что содействуют выполнению особо важного задания из центра, поднимет моральный дух в отряде. Он и так у нас неплохой, но предела для совершенства ведь нет.

– Значит, решили. Факт наличия спецзадания из центра скрывать не будем, – подытожил Коновалов и обратился у Скубжевскому: – Если не против, предлагаю обращаться друг к другу не столь официально: товарищ старший лейтенант, товарищ младший лейтенант. Вон комиссар у нас вообще из гражданских. Да и мы – не подразделение Красной Армии, к сожалению. А дело у нас общее и сложное. Предлагаю по именам. Согласны?

– Согласны, Иван, – опередила молчавшего Скубжевского Татьяна.

Вилору не понравилось, что она так быстро и радостно отреагировала на предложение Коновалова. Пришлось приглушить в себе возникшее раздражение:

– Да, Иван, это правильно будет.

4

Информация Ивана Коновалова о наличии в райцентре немецкого штаба показалась Скубжевскому и Сёминой очень интересной. Правда, не было ясно, что это за штаб и имеет ли он хоть отдалённое отношение к таинственному объекту Z, который им надо было обнаружить. Судя по словам видевших этот штаб партизанских разведчиков, вряд ли между ним и объектом имелось что-то общее. В райцентре было расквартировано обычное мотопехотное подразделение, усиленное небольшим количеством танков. Правда, разведчики видели и людей в чёрной униформе СС. А это уже кое-что.

Необходимо было взглянуть на штаб своими глазами и таким образом определиться, офицера какого уровня можно попытаться захватить в качестве «языка».

Вилор рвался в разведку сам, но в конце концов признал правоту Тани, утверждавшей, что неместному молодому мужчине крайне небезопасно появляться в посёлке. В их маленькой группе Скубжевский являлся командиром, но все вопросы решал сообща с Татьяной и старался в итоге прийти к единому мнению. Его самолюбие нисколько не задевало то обстоятельство, что в большинстве случаев приходилось менять первоначальную точку зрения под влиянием аргументов Сёминой. Напротив, всякий раз Вилора приводили в восхищение ум и железная логика Татьяны.

Девушке подыскали гражданскую одежду. В непонятного цвета длинном жакете, цветастой юбке и сползающем почти на глаза платке она совершенно преобразилась. Даже в возрасте прибавила лет десять, не меньше. Красноармейские сапоги на её ногах сменили резиновые ботинки, обнаружившиеся у партизанской поварихи Дарьи. Их небесно-голубоватый цвет вызывал у Вилора сладостный прилив нежных чувств к Тане.

После долгих колебаний Коновалов согласился, чтобы вместе с Таней пошёл Стёпка, паренёк лет 12, прибившийся к отряду, точнее, к тому, что в будущем станет отрядом, ещё летом сорок первого, когда выходили из окружения. В суматохе эвакуации он потерял мать с сестрой на вокзале в Гомеле и так и не смог никого найти.

Стёпка постоянно рвался на самые опасные задания, и партизанам стоило немалого труда сделать так, чтобы паренёк не оказался там, где риск был особенно велик. Но сейчас сопроводить Таню в райцентр Коновалов мальчишке разрешил.

Сёмина со Стёпкой ушли рано утром и возвратились уже затемно. Уставшая и недовольная результатом Таня рассказала собравшимся в командирской землянке Скубжевскому, Коновалову и Портнову, что вблизи здания штаба полно патрулей, поэтому попытки приблизиться и что-то разузнать не увенчались успехом. К тому же Тане с немалым трудом удавалось удерживать рвущегося прямо в штаб Стёпку. «Лучше бы я одна пошла, больше толку было бы», – с заметным огорчением подытожила девушка.

– Что думаешь, Алексей Сергеевич? – как всегда в трудную минуту, Иван обратился к комиссару.

– Да что тут думать, – невесело ответил Портнов. – Видно, надо просто взять человек 5–7 опытных ребят, затемно выдвинуться в посёлок и дальше по обстоятельствам: брать первого попавшегося офицера. По возможности вообще не поднимая шума.

– Принимается такой план? – Коновалов повернулся к Скубжевскому.

– Вообще-то нам не любой офицер нужен, а обладающий информацией, – начал высказывать свои соображения Вилор.

– Ну и что нам теперь, весь гарнизон немецкий перевернуть вверх дном? – раздражённо перебил его Иван и в сердцах бросил. – И так помогаем всем, чем можем.

– Да, да, давайте так, – примирительно произнесла Таня. – Вилор, всё равно ничего другого у нас сейчас нет. А тут будет хотя бы «язык». Что-то он наверняка скажет. А потом от этого будем отталкиваться.

– А если не скажет? – не сдавался Скубжевский.

– Жить захочет – скажет! – жёстко отрубил Коновалов. – Душу из поганца выну! Скажет!

– А если он просто ничего не знает? Потеряем время, – продолжал сомневаться Вилор.

– Что Вы предлагаете? – не выдержал комиссар. – Отказаться от варианта с «языком»?

– Нет, конечно. Я лишь говорю, что в качестве «языка» нужен не любой, а офицер. Лучше всего старший офицер, – ответил Вилор.

– А это уж, товарищ младший лейтенант, как получится! – со злостью в глазах отрубил Коновалов.

* * *

Операцию готовили несколько дней, отобрали опытных разведчиков. Но в день проведения с самого начала всё пошло не по плану. Немцев в посёлке оказалось больше, чем ожидалось. Группу они обнаружили уже на подходе, несмотря на предрассветный сумрак. Завязалась перестрелка, двое партизан были ранены. И самое горькое – пущенной кем-то из немцев по кустам на всякий случай автоматной очередью был смертельно ранен тайком увязавшийся за группой Стёпка. Его не удалось донести до лагеря. Стёпка умер по дороге, успев лишь увидеть первые солнечные лучи последнего в своей жизни рассвета.

Уже при отходе один из партизан обнаружил у колодца долговязую фигуру немца в чёрной эсэсовской форме и, подкравшись сзади, что есть силы оглушил его прикладом. Фашист оказался совсем юнцом и каким-то хлипким. Всю дорогу не приходил в сознание. Его даже подумывали бросить по пути, считая мёртвым и сделав контрольный выстрел, но на всякий случай доволокли до лагеря. И не зря. Немец подал признаки жизни в виде слабого стога, а в его нагрудном кармане обнаружили документы на унтершар-фюрера Курта Зайдлица, 1922 года рождения. Звание совпадало с тем, которое можно было определить по погонам и петлицам.

Пока Зайдлицем занимался отрядный врач, бывший до войны сельским фельдшером, всего в десятке метров от них над заботливо опущенным на плащ-палатку Стёпкой рыдал командир отряда Иван Коновалов. Вокруг с обнажёнными головами стояли убитые горем партизаны. Пацан был всеобщим любимцем, можно считать, «сыном отряда».

– Стёпка, ты же как брат младший! Как я теперь без тебя жить буду? – вопрошал, подняв руки к синему весеннему небу, Коновалов.

Вдруг он резко поднялся, выхватил из кобуры пистолет и побежал к Курту Зайдлицу, над которым продолжал колдовать фельдшер.

– Ты за всё, гнида, сейчас ответишь! – полубезумным голосом кричал Иван.

Первым успел преградить ему путь Портнов. Комиссар ловким движением отвёл в сторону руку Коновалова, направив пистолет в землю, и другой рукой обнял командира за плечо:

– Ваня, успокойся, возьми себя в руки. «Язык» нам живой нужен. Ради чего тогда ребята рисковали, ради чего Стёпка погиб?

Рука Коновалова с зажатым в ней пистолетом дрогнула и на мгновение обмякла. Воспользовавшись этим, Портнов сумел быстро освободить оружие от пальцев Ивана и переложил пистолет командира к себе в карман.

Комиссар легонько рукой подтолкнул Коновалова в направлении землянки, и тот послушно, с опущенными вздрагивающими плечами, пошёл в неё.

– Расходитесь, товарищи, – негромко сказал Портнов стоявшим тесной группой партизанам. – Стёпку ближе к вечеру похороним. Корнеич, прошу тебя, займись этим. Надо место хоршее под могилу найти.

* * *

Зайдлица допрашивали два дня. Скубжевский и Таня почти валялись с ног от этих многочасовых попыток добыть хоть какую-то информацию. Особенно тяжело было столь долго говорить по-немецки, да ещё правильно понять, что отвечает пленный. А немец совсем сник. Если в самом начале он хорохорился и постоянно выкрикивал нацистские лозунги, то уже довольно скоро впал в апатию, отвечал мало и не по делу, к тому же почти шёпотом. Так что понять, что именно говорит Зайдлиц, было для Вилора и Тани непростой задачей, несмотря на неплохое знание немецкого языка.

Но на второй день удалось выяснить, что Курт худо-бедно понимает по-русски. Он даже короткое время выполнял в штабе функции переводчика, пока не было никого другого.

Узнав об этом, Коновалов посерел лицом. Он встал перед Куртом и с ненавистью во взгляде и в голосе выпалил:

– Так ты, мразь, наших допрашивал?

Среди партизан в руки к фашистам пока ещё никто не попадал. Но несколько месяцев назад немцам удалось разоблачить двух связных, живших в посёлке. Их потом повесили на площади в райцентре. Разведчик, ходивший в посёлок, рассказывал о том, что на висевших телах было множество кровоподтёков, не говоря уже о синяках на пол-лица.

– Нет, нет, – лепетал в ответ Зайдлиц, с испуга смешивая немецкие и русские слова. – Я никого не допрашивал. Я только документы переводил.

Коновалов еле сдерживался. Но ещё был шанс, что немец даст хоть какую-то наводку на этот проклятый объект Z.

У Тани, когда ей рассказали историю о повешенных связных, глаза тоже засветились недобрым огоньком. Вилор, заметив это, залюбовался девушкой. Сейчас, в гнев, со сверкающими глазами, Таня была особенно прекрасна. А вот унтершарфюрера Зайдлица не могли не посещать совсем иные мысли. Ни Коновалов, про которого нетрудно было понять, что он здесь командир, ни эта девушка, сносно говорящая на его родном немецком языке и даже вставляющая между делом строчки Гёте, не внушали Курту надежд на благоприятный исход. А верить в лучшее очень хотелось. Двадцать лет всего прожито. Неужели вот здесь, в этих наполненных болотами лесах России и оборвётся его жизнь?

К концу второго дня стало ясно, что добиться нужной информации от немца не удастся. Просто он, видимо, действительно ничего не знает. Мелкая сошка, всего-навсего унтершарфюрер, нижний чин во всей их иерархической цепочке фюреров с различными приставками.

* * *

Когда Вилор с Таней сообщили об этом Коновалову и Портнову, Иван, ни на секунду не задумываясь, попытожил:

– Всё понятно. Осталось эту мразь расстрелять без промедления!

Все замолчали. Вилор нервно кусал губы. Взгляд Тани был обращён куда-то в сторону, и Скубжевский никак не мог увидеть выражение её глаз. Комиссар Портнов молчал. Видимо, отнёсся к словам командира как к неизбежности, пусть и неприятной.

– Вилор, приказываю привести приговор в исполнение.

У Скубжевского перехватило дыхание. Перед глазами забегали по кругу цветные круги. Он еле устоял на ногах, хотя заметно качнулся сначала в одну сторону, а потом, как маятник, в противоположную.

– Кто, я? – произнёс Вилор ещё более тихим шёпотом, чем Зайдлиц на допросах.

– А что, кишка тонка? – издевательски вопросом на вопрос ответил Коновалов, смотря при этом на Таню.

В этом взгляде Ивана царило нескрываемое желание унижить Скубжевского в глазах девушки. Но Вилору сейчас было всё равно, что подумает Таня, он просто забыл на время о существовании Сёминой на белом свете.

– Товарищ старший лейтенант, – звенящим от напряжения голосом официально произнёс Скубжевский. – Я военнослужащий Красной Армии, а не палач.

– А я, значит, палач? – взорвался Коновалов. – Ты чистенький, в белых перчаточках, а мы вот с комиссаром в дерьме копаемся. Так, что ли?.. Младший лейтенант, я Вам приказываю расстрелять фашиста Зайдлица как совершившего тяжчайшие преступления против нашего советского народа!

– Вы не можете мне такое приказать. К тому же я не Ваш подчинённый, у нас своё командование в центре есть, – Вилор страшно побледнел, но одновременно обрёл уверенность в голосе.

– Я старший по званию! А приказ старшего по званию – закон! – чеканил слова Коновалов. – Понятно? Ваше счастье, младший лейтенант, что Вы задание центра выполняете, а то бы я Вас самого перед строем расстрелял за трусость и неисполнение приказа!

Лицо Вилора сделалось мертвенно-пепельным.

Портнов подошёл к Коновалову и легонько обнял его за плечи.

– Иван, перестань, не горячись. А Вы, – перевёл комиссар взгляд на Вилора, – идите сейчас отсюда от греха подальше.

Скубжевский с трясущимися руками направился к выходу из командирской землянки, но замер на полпути, поражённый прозвучавшими в наступившей звонкой тишине словами Татьяны:

– Иван, разрешите мне!

– Что, Таня? – не понял Коновалов.

– Привести приговор в исполнение, – медленно и отчётливо произнесла страшные слова девушка.

– Вы это серьёзно?

– Абсолютно, – твёрдо ответила Таня и добавила: – Стёпку не могу забыть... мёртвого...

– Ну что же, товарищ Сёмина, – после короткого раздумья произнес Иван, – давайте. Раз уж сами вызвались, не в пример некоторым слюнтням.

Скубжевский, словно избавившись от оцепенения, выскочил из землянки и, цепляясь плохо слушающимися ногами за каждый корень дерева, который попадался по пути, побежал куда-то вглубь орешника.

– Ну что, комиссар, будем строить отряд? – деловито спросил Коновалов.

– Иван, я думаю – не стоит. Не тот это случай, – покачал головой Портнов и обратился к Татьяне. – Вы этого фрица отведите куда-нибудь в сторонку. Лучше подальше.

– Хорошо, Алексей Сергеевич, – голос Татьяны чуть заметно дрожал, выдавая её нервное напряжение.

– Сметанин! – окликнул проходившего рядом с входом в землянку партизана Коновалов. – Передай, чтоб сюда привели эсэсовца.

Сёмина, Портнов и Иван вышли наружу. Иван боковым зрением не сводит глаз с девушки. «Теперь у этого маменькиного сынка Скубжевского уже не будет шансов завоевать такую девушку», – неожиданно для самого себя подумал Коновалов и почувствовал, как у него в душе разливается приятное тепло.

Двое партизан привели Курта Зайдлица. Лицо бывшего «языка» выглядело землистым, а сам он как-то скукожился и стал ниже сантиметров на десять.

– Отведите его, – махнул головой Коновалов в сторону немца, – куда скажет Татьяна.

– Зачем? – возразила Сёмина и с обидой продолжила. – Вы мне не доверяете? Никуда он не убежит, у него и руки связаны. Я сама... Только вот что – дайте мне автомат, пожалуйста.

– Автомат? У Вас же есть ТТ. Ладно. Сметанин, возьми у кого-нибудь «шмайссер» и быстро сюда. Скажи, что я приказал.

* * *

При слове «шмайссер» Зайдлиц резко вздрогнул. И Таня, и остальные присутствующие заметили это. Наверное, немец всё понял, подумалось каждому. Но никто из них не знал, что дело тут не только в страхе. При звуках знакомого до боли слова в голове Курта, словно яркие бабочки, начали порхать картинки родного городка.

Зуль, город немецких оружейников. Место, где уже несколько веков искусные мастера создают то, из чего одни люди убивают других. Место, где Хуго Шмайссер создал тот самый автомат, из которого русские собираются сейчас оборвать его жизнь, ещё такую короткую. «Неужели мне не суждено дожить даже до двадцати одного года?» – обливало горячее кровью ещё бьющееся и не желающее останавливаться навеки сердце Курта.

* * *

Татьяна взяла в руки принесённый Сметаниным автомат и толкнула дулом куда-то в бок Зайдлицу:

– Иди вперёд, сволочь!

Поначалу она хотела все свои команды переводить на немецкий, но потом решила, что это принципиально неправильно. На немецкий она перейдёт только при крайней необходимости. А так пусть этот юный, но уже сжавшийся в три погибели фашист услышит её жестокие и справедливые слова на языке её великой страны, в которую осмелились прийти эти чудовища в чёрной форме. Тем более что Зайдлиц понимает по-русски. «Немного, но для приговора хватит, – мстительно произнесла про себя Татьяна. – Я же ему не «Евгения Онегина» собираюсь читать».

Курт не знал, что означает русское слово «сволочь», но это было уже неважно. Он покорно побрёл в указанном Сёминой направлении, механически переставляя сделавшиеся ватными ноги.

Коновалов подозвал двух конвоиров, которые привели Зайдлица, и негромко приказал:

– Идите за ними сзади, но на расстоянии, незаметно. Не надо Татьяне мешать. А вот если немец побежит или нападёт на неё, тот тут уже ваша задача.

Сёмина не торопила спотыкающегося на каждом шагу Курта. Ей самой нужно было время, чтобы обрести в себе душевные силы для решающего акта. Вызвавшись казнить немца на эмоциональном порыве, девушка не жалела об этом решении, но теперь, когда пути назад уже не было, понимала, как совсем непросто ей будет.

«А что, разве моим сверстницам в ЧК, в Гражданскую, не приходилось расстреливать всякую белогвардейскую нечисть? – настраивала себя Татьяна. – Я же комсомолка, советская девушка. Товарищ Сталин говорит, что надо беспощадно уничтожать гитлеровских захватчиков. Беспощадно! Правда, сейчас не в бою надо будет, а безоружного. Нет, не безоружного, а обезоруженного врага, преступника! Да, да, именно преступника. Ведь расстреливают не кого-нибудь, а преступников, врагов народа. А где же приговор, что я ему буду читать? Ой, наверное, Иван и не написал его. Ладно, сама составлю, не хуже Коновалова... Ах, Вилор, Вилор, каким же ты оказался... Не могу к тебе как раньше относиться. Ну почему ты у меня из сердца не выходишь? А всё этот фашист проклятый. Не будь его, с Вилором всё было бы как раньше. Так что этот гад теперь и за треснувшее будущее с Вилором ответит. За всё ответит. И за Стёпку!»

* * *

А Зайдлиц вспоминал родной городок, со всех сторон окружённый сказочной красотой Тюрингенского леса. А как потрясающе выглядит Зуль со скалы от часовни Святой Отилии, куда его ещё совсем маленьким впервые привёл отец вместе со старшим братом Вилли. Недаром это место прозвали «видовым балконом». Сказочные крыши домов, дымки над ними. И их домик тоже где-то внизу. Там всегда вкусно пахнет свежим хлебом. Ведь отец – один из лучших пекарей Зуля, и вся семья помогает: мама, маленькая сестрёнка, Вилли... Вилли, который сейчас где-то в Африке, в танковом корпусе.

«Вот только я ничего этого уже не увижу, – слёзы стекали тонкими ручейками из глаз Курта. – И маму не увижу. Маму, которая всегда раскладывала по башмачкам рождественские подарки под ёлочкой... Часовню Отилии не увижу. И башню Бисмарка... оттуда тоже так красиво весь Зуль виднеется как на ладошке...»

* * *

Таня ненароком заметила, что привела Зайдлица в какую-то ложбинку, и поняла, что дальше они уже не пойдут.

– Стой, повернись ко мне! – в тишине, нарушаемой лишь играющим верхушками берёз и елей ветром, звонко прозвучал ее голос.

Курт безропотно совершил поворот через левое плечо, словно всё ещё нужно было соблюдать строевой устав. Его взгляд упал на ноги Татьяны в полустоптанных и заляпанных землёй сапогах. Девушка заметила это и подумала: «Когда же я сниму наконец эти чёртовы сапоги? Когда эта проклятая война закончится? Как хорошо было бы пройтись в туфельках-лодочках. И сейчас тоже. Пусть бы немец перед смертью увидел, какие красивые у меня ноги. Вон как глазами по моим сапогам водит».

– Приговор, – неотвратимо прозвучал голос девушки.

Курт хорошо знал это русское слово. Его словно накрыло волной дрожи. Даже ноги, которые он переставлял как онемевшие, бредя под дулом Таниного автомата, заходили ходуном. Девушка собралась с мыслями, припоминая в деталях, как звучали формулировки приговоров троцкистам и зиновьевцам из газет, которые они читали в школе на политинформации.

– Именем Союза Советских Социалистических Республик за... – Татьяна хотела сказать привычное «за измену Родине», но родина ведь у этого фашиста была своя, – ...нападение на Родину всемирного пролетариата – Советский Союз, за кровь и слёзы советского народа, за смерть юного партизана Степана...

Сёмина чуть остановилась, укоряя себя в том, что не знает Стёпкиной фамилии, но сейчас это было уже неважно. Она готова была приписать одному Зайдлицу все преступления нацизма, вместе взятые, но решила, что и сказанного уже с лихвой хватит. Хватит для уверенности в правоте того, что сейчас свершится.

Набрав в лёгкие побольше воздуха, Татьяна отчеканила:

– ...Партизанский трибунал приговорил фашистского изверга Зайдлица к высшей мере уголовного наказания – расстрелу!

* * *

Страшный смысл последнего слова Курт знал. Он смотрел в глаза стоявшей в нескольких метрах напротив него русской девушки и не верил, не хотел верить, что она его убьёт. В бес-

порядке упавшие на плечи волосы делали Татьяну сейчас особенно красивой. «Нет, нет, она не будет в меня стрелять. Это всё понарошку, она выстрелит вверх головы, и всё будет хорошо. Она же добрая, Гёте на допросе мне по памяти читала».

* * *

Татьяна решила, что уже сказанного недостаточно, и добавила:

– Приговор окончательный и обжалованию не подлежит.

После этой фразы Сёмина почувствовала, что наконец полностью готова совершить самое главное.

– К стенке, мразь! – крикнула Таня и прикусила губу.

«Что это я? Откуда тут стенка, в этой ложбинке? Но

он, похоже, и не понял. Вон стоит как вкопанный, только дрожит весь», – Зайдлиц сейчас был для девушки не просто врагом, а самым воплощением омерзения.

Татьяна устремила дуло «шмайссера» чуть ниже пояса немца. Даже в эту минуту чудовищного нервного напряжения она не забыла, что при стрельбе автомат уходит вверх. Её палец ощущал холодную твёрдость спускового крючка, но не хватало чего-то последнего, решающего, чтобы нажать. Не хватало команды, и Татьяна отдала её себе:

– По врагу советского народа – огонь!

Треск автоматной очереди разломил мир на «до» и «после». Из падающего, словно в замедленной киносъёмке, тела Курта Зайдлица забил с десятков ярко-красных фонтанчиков. Он упал на молодую траву, пробивающуюся сквозь прошлогодние листья, и остался навсегда здесь, вдалеке от родной Тюрингии. Вдалеке от Зуля, где его мама, несмотря ни на что, будет ждать своего сына домой ещё много лет в той пока не существующей стране с незнакомым названием ГДР. Ждать, когда уже исчезнет всякая надежда и у отца, и у сестрёнки, и у брата Вилли, уцелевшего в африканских песках под Эль-Аламейном².

* * *

Метавшийся по зарослям лесного орешника Скубжевский услышал автоматную очередь. Он ничком упал на землю и захрипел:

– Таня, Таня, как же ты смогла?

Перед глазами Вилора стоял Курт, идущий впереди Татьяны в лес, в свой последний путь. Если бы не автомат и не связанные руки, то можно было бы подумать, что они отправились на прогулку: молодой человек чуть впереди, выбирая для своей спутницы дорогу, а девушка на несколько шагов сзади.

У Вилора началась рвота, его выворачивало наизнанку. Когда всё закончилось, Скубжевский машинально присыпал прошлогодней листвой то, что недавно было кашей, хлебом и чаем, и пошёл в чашу, не разбирая дороги.

А пошатывающаяся Таня медленно добралась назад, к землянкам, и, увидев Портнова, подошла и тихо произнесла:

– Товарищ комиссар, приказ выполнен. Приговор приведён в исполнение.

Алексей Сергеевич взял из рук девушки автомат, передал его кому-то из стоявших рядом бойцов и обнял Татьяну за плечи:

– Таня, не надо больше ничего говорить. Иди поспи. Или давай немножко спирта?

---

² В октябре – ноябре 1942 года в результате сражения Североафриканской кампании Второй мировой войны в районе города Эль-Аламейн итало-немецкая группировка войск под командованием фельдмаршала Эрвина Роммеля потерпела поражение от британских войск, которыми командовал генерал Бернанд Монтгомери.

– Нет, что Вы, Алексей Сергеевич, я же не пью. Спирт не смогу.

– Тогда чаю и потом спать. Чай сейчас хорошо.

– Чай тоже не надо. А спать и правда хочется.

– Давай я тебя до твоей землянки доведу.

– Да я сама дойду. Всё нормально, только устала я очень, совсем сил нет.

Портнов, не обращая внимания на слабые возражения девушки, довёл Таню до землянки и даже сам снял ей сапоги.

– Всё будет хорошо, дочка. Завтра всё будет совсем хорошо, – шептал он.

Таня заснула мгновенно, и снились ей тёплый летний день, мягкий шелковистый луг рядом с лесной опушкой и какие-то дивно поющие птицы.

5

Петя вернулся домой позже обычного и в невесёлом настроении.

– Где ты был? Мы уже волноваться начали, – услышав шум отпираемого замка, выглянула в прихожую мама.

– Как где? Я же на шахматном кружке был. Мы к квалификационному турниру готовимся. А потом ещё прошёлся с одним мальчиком из кружка, а он в районе Кирова живёт, – попытался разложить по полочкам ситуацию Петя.

– Ладно. Но только в следующий раз предупреждай, когда будешь задерживаться. А сейчас мой руки и к столу!

– Хорошо. Я теперь, наверное, часто буду задерживаться, турнир же скоро, – Петя обрадовался, что удалось найти правдоподобное объяснение для будущих походов к дому Галины Дмитриевны.

За ужином он вяло ковырял и котлету, и окружающие её на тарелке макароны, но тем не менее в итоге съел всё до конца.

– А я тут посмотрел, как твои играли с «Араратом» Поздравляю: три – два! Причём все голы во втором тайме, – возвестил отец.

Петя слабо улыбнулся и ощутил, что, пожалуй, впервые победа киевского «Динамо» кажется ему не такой уж и важной. Весь этот год Проскуряков-младший сильно переживал из-за неудач любимого клуба и винил в них исключительно эксперимент с переходом на отдельные весенний и осенний чемпионаты. Весной ситуация вообще была адской: восьмое место из шестнадцати. Полная катастрофа! Разве может киевское «Динамо» так низко опускаться? Утешало лишь то, что отцовский «Спартак» играл ещё хуже. Хоть над этим можно было подтрунивать.

Для Пети просмотр каждого неудачного матча киевлян по телевизору становился пыткой, и потом в вечерней полудрёме какие-то непонятные игроки в знакомой форме совершали фантастические пируэты, умудряясь фирменным киевским «подкатом» не только выбить мяч из-под ног соперника, но и сразу направить его через полполя в «девятку».

В начавшемся в августе осеннем чемпионате дела шли лучше, чем весной, но всё-таки не слишком хорошо для лучшей, по убеждению Пети, команды всех времён и народов. Проскуряков продолжал переживать. Но всё это было словно в прошлой жизни, до Галины Дмитриевны. Точнее, Галина Дмитриевна присутствовала и в той жизни, до голубоватых ботишков на морковном поле, но там она была просто учительница. Ну, видишь её каждый день в жизни на уроках, иногда в выходные она ездит с классом на какие-то экскурсии или в театр. И что?

А теперь совсем не так. Теперь хотелось кусать себе локти, оттого что почти месяц назад, когда класс на целый день ездил на Бородинское поле, можно было подойти к ней поближе, послушать, что она рассказывает, посмотреть, как тёплый ветерок безуспешно пытается сразиться в борьбе за аккуратно зачёсанные волосы с перламутровой шпилькой-зашёлкой.

– Спасибо, мама! – Петя поднялся из-за стола, отодвигая допитую чашку чая. – Пойду ещё почитаю немножко.

– Ты что-то сегодня уставшим выглядишь. Температуры у тебя нет? – мать внимательным взглядом посмотрела на сына.

– У любого физического тела есть температура, причём выше нуля кельвинов. И у меня тоже! – отшутился в ответ Петя в своём обычном стиле и пошёл к себе в комнату.

– Ну вот, наконец-то узнаю своего сына – всё на свете переводит в формулы и физические законы, – успокоилась мама, но тут же повернулась к отцу: – А вообще чего-то не так, тебе не показалось?

– Показалось. Даже выигрыш киевского «Динамо» его не обрадовал. Слушай, а может, наш сын влюбился?

– В седьмом-то классе? Рановато что-то. Да и не видела я никакой девочки, и от него не слышала, и фотографии ничьей у него вроде нет.

– Ну, не знаю. Мне так показалось.

– А ты сам в седьмом классе влюблялся?

– Конечно, даже в шестом! Вот только за давностью лет не помню в кого, – улыбнулся отец. – Пойду посмотрю, что наш сын читает.

На столе перед Петей лежал учебник литературы для седьмого класса с отрывком из «Капитанской дочки».

– За Пушкина принялся, сын?

– Да, мы сейчас проходим его по литературе.

– Ладно, не буду мешать, читай.

А Петя уже витал в мире любви своего тёзки Гринёва к Маше Мироновой, которая в его воображении имела облик Галины Дмитриевны, и испытывал нарастающую неприязнь к Швабрину, посмевавшему тоже добиваться внимания девушки. А потому дуэль, о существовании которой мальчик узнал, пролистав страницы вперёд, показалась ему естественной и неизбежной.

«А я смог бы драться на дуэли из-за Галины Дмитриевны? – вопрошал себя Петя. – А с кем? С её мужем, что ли?»

Вопрос был сложным и мучительным. Семейная жизнь учительницы никак не мешала Пете видеть её в школе, быть рядом и восхищаться Галиной Дмитриевной. А большего мальчику и не надо было. По крайней мере, пока. Решив, что отношения с мужем любимой женщины вполне можно выстроить на основе принципа мирного сосуществования, Петя успокоился и отправился спать.

* * *

Воскресенье прошло совсем незаметно и скомканно. Давно уже Петя не ждал так понедельника, как на сей раз. Что вообще может быть хорошего в этом самом понедельнике? Начинается длинная школьная шестидневка, конца и края которой не видно. Хуже может быть только вечер воскресенья, когда понедельник начинает с неизбежностью маячить на горизонте. И не сотрёшь его из жизни никаким ластиком, всё равно наступит вместе со всяческими биологиями, историями, литературами... Стоп! Литература теперь будет в другом лагере, где физика, математика и прочие приятные вещи типа футбола и шахмат. Впрочем, сама по себе литература – та ещё штучка со своими писателями-классиками, которых не очень-то и тянет читать. Но теперь литература – это само воплощение Галины Дмитриевны. Почти по Маяковскому: говорим «литература» – подразумеваем «Галина Дмитриевна», и наоборот, естественно, тоже.

Утром в понедельник до слуха Проскурякова докатилось негромкое обсуждение группой одноклассниц вопроса, о котором он при прочих обстоятельствах вряд ли бы вспомнил. Оказалось, что грядёт День учителя. Уже в ближайшую субботу.

Девчонки щебетали, как лучше организовать поздравление. Цветы – это само собой. Но может, стоит ещё и стихи почитать или песню спеть? Мальчишки традиционно в таких обсуждениях участия не принимали. Всё-таки взрослые люди, седьмой класс как-никак, не первачки, которые тащат букеты в школы по всякому поводу.

Но теперь Петя разрывался между двумя несовместимыми полюсами. Он, конечно, не мог вот так запросто проигнорировать мужскую солидарность и подойти к одноклассницам пообсуждать сценарий поздравления. Мальчишки просто засмеют, а девочки, наверное, уди-

вятся, но при этом могут не поверить в искренность его желаний, будут искать какой-то подвох. В результате Петя оказался в положении буриданова осла, о котором сравнительно недавно читал в одной популярной книжке по математической логике. Мальчик помнил, что осла этого в итоге погубило бесконечное сомнение с пассивным анализом всех «за» и «против». Значит, надо действовать! Вот только как? Впрочем, до субботы ещё есть время. Придётся что-то придумать.

На уроке литературы Проскуряков опять тянул руку, как в минувшую субботу на русском. И снова с тем же плачевным результатом. Галина Дмитриевна поочередно вызвала к доске несколько человек, полностью игнорируя не только поднимающуюся всякий раз руку Пети, но и само его существование в этой Вселенной. Ну, если и не во всей Вселенной, то в масштабах кабинета русского языка и литературы.

Последняя отвечавшая девочка вернулась на своё место, Галина Дмитриевна взяла в руки мел, собираясь написать на доске новую тему, а Петя в отчаянном порыве снова вытянул руку вертикально вверх.

– Чего тебе не сидится? Больной, что ли? – недовольно ворчал Мишка Платонов, опасавшийся, что из-за его приятеля учительница может вернуться к вызовам к доске, что было опасно.

– Да подожди ты, не мешай, – прошипел в ответ Проскуряков и изрёк первое, что пришло в голову: – Я просто хочу её подначить.

– А, тогда другое дело! – удовлетворённо ухмыльнулся Мишка. – А как?

– Увидишь! Я ещё сам толком не знаю. Просто скучно чего-то стало.

– Давай я тоже поучаствую? Пантере я готов всегда насолить, вредная она, – не унимался Платонов.

Петю сейчас больно резанули слова про Пантеру, сначала он даже хотел дать приятелю заметный тычок под бок, но сдержался. Зачем всему миру показывать своё отношение к Галине Дмитриевне? Никто же не поймёт, засмеют только. К тому же, если подумать, слово «Пантера» само по себе необидное. В нём чувствуется стремительный красивый бег по раскалённой африканской саванне, полная опасностей и приключений жизнь. Не надо только связывать это слово с пятнышком под ухом у Галины Дмитриевны, тем более что его почти никогда не видно под причёской. «Да и с пятнышком она всё равно очень красивая!» – пришёл к однозначному выводу Петя.

– Проскуряков, ты что руку тянешь? Неясно что-нибудь? – наконец обратила внимание на Петра учительница.

– Да, у меня вопрос есть. Как Вы думаете, нужно ли было Гринёву драться на дуэли со Швабриным?

– Ребята, представьте себе такую ситуацию. Дорогой вам человек и более слабый, нуждающийся в защите, может оказаться в трудной ситуации. Ему или ей даже грозит опасность. Не обязательно буквальная, сиюминутная. Например, человек без вашей помощи ошибётся и сделает неправильный выбор, о котором потом будет сожалеть. Возможно, всю жизнь мучиться. Вы поможете или пройдёте мимо?

– Поможем, – раздался нестройный хор голосов.

– А теперь, Петя, возвращаемся к твоему вопросу. Швабрин оскорбительно отозвался о Маше, посмеялся над самим Гринёвым. Задета честь любимой девушки. Что делать Гринёву? Стоять в сторонке и помалкивать? Ребята, я сейчас не говорю о дуэли как форме защиты чести. Понятно, что сегодня никаких дуэлей быть не может. На дворе XX век. Да и во времена Гринёва дуэли были уже запрещены. Наказание за них было очень серьёзное, вплоть до смертной казни, если не ошибаюсь. Речь о другом: о сущности, о готовности защитить любимую девушку, да и вообще любого человека, нуждающегося в защите. Я ответила на твой вопрос?

– Ответили, – пролепетал Петя.

– А вот мне интересно, – решила перейти в контрнаступление Галина Дмитриевна, – а ты сам смог бы сразиться на дуэли, защищая поруганную честь дорогого для тебя человека? И при этом понимать, что идёшь на смертельный риск, что противник может тебя и убить.

Петя залился краской, пытаясь найти ответ на вопрос, который только с виду выглядел простым. В этот момент прозвучал громкий спасительный голос Мишки Платонова:

– Так дуэли же запрещены! Галина Дмитриевна, Вы же сами только об этом говорили.

Класс облегчённо захохотал. Улыбнулась и Галина Дмитриевна:

– Ребята, давайте мы как-нибудь на классном часе пообсуждаем проблемы чести и долга, верности и защиты слабого. А сейчас идём дальше. Продолжаем изучать «Капитанскую дочку». Теперь поговорим о Пугачёве.

* * *

Суббота приближалась с огромной скоростью, а ничего хорошего в Петину голову не приходило. Какая же спокойная и, главное, простая жизнь была раньше. Никакого тебе Дня учителя. То есть праздник, конечно, существовал, но в своём параллельно движущемся рядом с Проскуряковым мире. Ни тревог, ни волнений, ни ожиданий. А сейчас? Вот всегда так бывает: когда срочно нужно что-то придумать, никакого решения в голову просто не приходит. Хоть плачь, и всё тут!

В пятницу Петя окончательно понял, что придётся ограничиться букетом цветов. Было тоскливо, что ничего менее банального так и не придумалось. Не будешь же просить у девочек роль в короткой постановке, которую они придумали? Засмеют его, и всё. Вон Мишка Платонов первый же и засмеёт. Нет, не готов Петя к таким подвигам даже во имя Галины Дмитриевны. Да и ролей, честно говоря, в задумке девочек никаких не было.

И по большому счёту это вовсе не постановка, несмотря на громкое название, данное авторским коллективом. Сплошной набор поздравительных речёвок по четыре строчки в рифму, произносимых в определённом порядке.

Выйдя из школы, Петя похолодел. Суббота уже завтра. Значит, букет нужно покупать сегодня, а денег у него нет. Родители появятся только вечером, когда этих цветов по всему Солнцеву с огнём не разыщешь. Можно, конечно, сесть на электричку и поехать на Киевский вокзал. Там у пригородных платформ цветы всегда имеются. Но идея подобной поездки не особо вдохновляла Петю, и он решил оставить данный вариант исключительно на крайний случай.

Попытка занять денег у Мишки не удалась. Сумма была приличной, такой у Платонова тоже не было. К тому же Проскуряков не знал, сколько сейчас стоят цветы. Осень, октябрь вот наступил, с цветами туговато.

Пришлось идти на работу к маме. Сначала Петя думал утаить причину срочной потребности в деньгах, но быстро пришёл к выводу, что лучше сказать правду. Не всю, конечно. Привязка покупки цветов персонально к личности Галины Дмитриевны исключалась при любом течении разговора. Галина Дмитриевна – это его сокровенная тайна.

– Мама, – перешёл Петя сразу к делу, – дай мне, пожалуйста, немного денег на букет цветов.

– На букет цветов?

– Да, завтра же День учителя.

– А что, ребята в классе решили скинуться и подарить учителям цветы?

– Да нет, – начал неуверенно мямлить Петя, – каждый сам букет приносит, а дальше уж как получится.

– А что ты сегодня только спохватился? На денёк-два пораньше, можно было найти время в Москву съездить, найти хороший букет.

– Да вот так получилось, сегодня только решили.

– Ладно, – ответила мама, достала кошелек и протянула ему рубль. – Сходи к станции, там должны торговать. Ещё флоксы не отцвели, наверное, у бабушек они есть.

– Спасибо, – пробормотал Петя и пошёл к выходу.

– Подожди, – остановила его мама, – держи ещё рубль. Не знаю, сколько сейчас цветы стоят. Осень уже, не сезон.

Петя вприпрыжку устремился к станции Солнечная. На его счастье, бабушки с букетами были на месте. И флоксы имелись, и даже хризантемы.

– Подходи, кавалер! – наперебой зазывали они пытающегося отдышаться от бега юного покупателя. – Смотри, какие красивые цветочки, барышня будет довольна!

Сравнение Галины Дмитриевны с барышней показалось Пете не очень уместным, но сейчас было уже не до тонкостей определений. Хризантемы стоили дорого, пришлось остановиться на варианте с флоксами. А что? Очень красивые цветы, если на них повнимательнее посмотреть. Мелкие, конечно. Не розы, прямо скажем. Но если всмотреться в их лепесточки, играющие яркими красками осени, то весьма неплохо. Вот только неизвестно, какие цветы больше любит Галина Дмитриевна. Но это сейчас никак не установить. А если ей вдруг нравятся орхидеи какие-нибудь, то что делать? В Африку за ними срочно лететь? Впрочем, Петя и в Африку отправился бы, будь такая возможность.

Три купленных флокса грели руку, в которой были надёжно зажаты. Петя боялся потерять купленное сокровище и успокоился, только открыв дверь квартиры. Хорошо, что дом от станции недалеко.

Утром в субботу, проснувшись, мальчик первым делом подбежал к стоящим на подоконнике в вазе с водой флоксам. Всё было в порядке, цветы неплохо перенесли ночь и были вполне готовы стать предметом выражения трепетных эмоций к Галине Дмитриевне, которые не покидали Петю уже начинающуюся вторую неделю.

Оставался неразрешённым только один, но зато фундаментальный вопрос: когда и как дарить. Петя мучился над его разрешением вечером, продолжил, уже лёжа в кровати. Ему хотелось верить, что нужная идея придёт во сне. Есть же куча примеров, когда доказательства самих великих математических теорем появлялись в виде сновидений. Но сегодня Пете решительно не повезло – ночью вообще ничего не приснилось. Видимо, задачка, как подарить Галине Дмитриевне цветы, не дотягивала до уровня великой теоремы.

Девочки в школе старались вовсю. Букет, да и не один, получил каждый преподаватель, у которого был урок в 7-м «Б» в субботу. Даже физкультурника Пал Палыча буквально завалили цветами, и он весь урок наблюдал за событиями на баскетбольной площадке влажными, будто затуманенными глазами.

Третий урок – русский язык. Нервы Пети натянулись словно гитарные струны. Галина Дмитриевна внешне выглядела как обычно в своём синем крепдешинном костюме и бело-снежной блузке. Но глаза её сверкали сегодня особенной радостью. На столе в кабинете русского языка уже еле умещались букеты, подаренные во время первых двух уроков. Вазочек не хватало, поэтому цветы теснились в них, как пассажиры метро в час пик.

– Поздравляем! – дружно проскандировал класс в самом начале урока.

Ребята не отставали от девочек, проникнувшись праздничной атмосферой, наполнившей всю школу. Только Петя еле шевелил губами, заворожённо пожирая глазами Галину Дмитриевну.

– Спасибо, ребята, огромное! Мне очень-очень приятно. Сразу чувствуешь, какая замечательная у меня профессия, – в голосе учительницы ощущалось лёгкое подрагивание. – Я краешком уха слышала, что вы ещё какую-то небольшую постановку собирались мне показать. Правда?

– Правда! – обрадовались девочки, и мальчики вместе с ними тоже.

– Тогда давайте с неё начнём? С удовольствием посмотрю и послушаю, а потом уже перейдём к теме урока, – Галина Дмитриевна перенесла свой стул от стола к окну и села впол-оборота к доске.

Сами придуманные девочками рифмованные строчки Петя запомнил плохо, можно сказать, что вообще не запомнил. Он не отрываясь смотрел на улыбающееся лицо Галины Дмитриевны, живо реагирующее оттенками мимики на то, что происходило у доски. А как прекрасна была учительница, когда принимала огромный, сверкающий всеми цветами радуги букет!

Петины флоксы в этот момент лежали запакованными в портфеле и дожидались своего часа. Не мог же он подарить их Галине Дмитриевне на глазах всего класса! Ведь у этого букета был свой, сокровенный смысл, о котором знал только он, Пётр Проскуряков, и, наверное, догадывалась та, кому цветы предназначались.

Остаток занятий прошёл для мальчика как в тумане. Он еле дождался окончания последнего урока, химии. Быстренько выбежав на улицу, Петя прошёл пару сотен метров в направлении Боровского шоссе и, усевшись на лавочке в одном из дворов, принялся караулить Галину Дмитриевну. Флоксы наконец-то были извлечены из портфеля и вдыхали бодрящий воздух осеннего дня.

* * *

Галина Дмитриевна появилась не скоро. В одной её руке помещался портфель с тетрадками на проверку, а в другой два букета. Петя растерялся и, словно вкопанный, продолжал сидеть на лавочке. Не заметив его, учительница медленно шла дальше своей дорогой.

– Раз... два... три, – скомандовал себе Проскуряков и быстрым шагом бросился её догонять.

– Галина Дмитриевна! – окликнул Петя учительницу, находясь ещё метрах в пяти сзади и выставив букет впереди себя, словно щит.

Когда женщина обернулась, Проскуряков неумело протянул ей флоксы и, запинаясь на каждом из двух слов, произнёс:

– Это... Вам.

– Спасибо. А почему ты в школе их мне не подарил?

Петя густо покраснел. Он никогда ещё в своей жизни не произносил слов, способных дать ответ на этот вопрос. Более того, даже не представлял себе, как их правильно произнести.

– Так получилось, – пролепетал Петя заплетающимся языком.

– Как же мне теперь всё это донести до дома? – в раздумьях спросила Галина Дмитриевна.

– А давайте я Вам свой букет до дома сам донесу, а там Вам отдам, – с готовностью ухватился за появившуюся соломинку Пётр.

«Да, хорош кавалер у меня теперь, – улыбнулась про себя Галина Дмитриевна. – Вместо того чтобы предложить тяжёлую сумку у меня забрать, решил свой букетик донести».

– Давай мы с тобой по-другому поступим. Ты сегодня на шахматы идёшь?

– Иду, – ответил Петя, не понимая, почему об этом зашёл разговор.

– Очень хорошо. Держи вот этот букет! – Галина Дмитриевна передала мальчику цветы, оставив себе только подарок седьмого «Б». – Я хотела Павлу отдать, но раз уж тебя встретила, то забирай. Поздравьте там все вместе Михаила Аркадьевича с праздником.

– Он же не учитель, – не понял Пётр.

– Почему? Разве учитель – этот только тот, кто в школе работает? – возразила Галина Дмитриевна. – Михаил Аркадьевич столько сил на вас тратит, причём в свободное от своей работы время. Забирай цветы и быстро домой. Их надо в воду поставить до кружка.

* * *

У Пети опустились руки от осознания того, что Галина Дмитриевна нашла изящный способ избавиться от него в качестве провожатого.

– Хорошо, – уныло произнёс он, стоя с двумя букетами – своим и переданным ему Галиной Дмитриевной.

– Ну что же ты, – с улыбкой напомнила учительница, – передумал мне цветы подарить?

Петя с готовностью протянул флоксы. «Значит, не всё ещё потеряно, раз о букете напомнила», – успокоил он себя.

– Спасибо. Очень красивые флоксы! – поблагодарила учительница. – До свидания!

– До свидания, – еле слышно ответил вконец удручённый Пётр и пошёл назад на улицу Дружбы.

* * *

Придя домой, Галина Дмитриевна на ходу бросила сыну:

– Павлик, я отдала цветы для Михаила Аркадьевича Пете Проскурякову. Так что поздравьте там все вместе Михаила Аркадьевича.

– Хорошо, мама, – ответил мальчик, правда, без особого энтузиазма.

– А это тебе от нас! – муж протянул Галине розы, за которыми явно ездил специально в Москву, на Киевский вокзал.

– Спасибо, мои дорогие, – улыбнулась она в ответ и, увлекая Виктора за собой в комнату, показала ему флоксы. – Как тебе цветочки?

– Да никак, – ответил Виктор. – А почему ты спрашиваешь?

– Их мне новый кавалер подарил! – Галина показала мужу кончик языка. – Смотри, какие красивые. Не чета твоим розам!

– Семиклассник твой? Смотри, Галка, теперь я точно его на дуэль вызову! – подхватил игру жены Виктор. – А цветы его сейчас в окно выкину!

– Только посмей! – Галина попыталась своё сияющее лицо сделать хоть на мгновение нарочито суровым и, глядя на флоксы, заключила: – Они теперь на самом виду стоять будут. В назидание тебе!

6

Татьяна проснулась от взгляда, обращённого прямо на её лицо. В землянке стоял Коновалов.

– Иван? Что-то случилось? – встрепенулась девушка, ещё не отойдя от затяжного сна.

– Да вот пришёл посмотреть, как ты. Как себя чувствуешь?

– Нормально чувствую, – ответила Сёмина, хотя даже для себя ещё не успела толком определить собственное состояние.

– А я всю ночь не спал, всё думал, как ты, – Коновалов присел рядом с Татьяной на топчан.

Его рука начала медленно скользить по шинели, выполнявшей функции одеяла. Таня с напряжённым вниманием следила за медленным перемещением Коновалова по поверхности топчана. Когда Иван начал поглаживать шинель в районе груди, девушка не выдержала:

– Не надо. Зачем это?

– Ты такая славная... и очень красивая, – зашептал Коновалов.

– Товарищ старший лейтенант, – перешла на официальный тон Татьяна. – Вы командир отряда, который оказывает младшему лейтенанту Скубжевскому и мне содействие в выполнении задания центра. Оказывает очень хорошо. Я Вам очень благодарна, искренне это говорю. И мы, надеюсь, ещё и просто хорошие товарищи. Но сейчас мне показалось, что Вы хотите от меня чего-то большего. Я не могу это большее Вам дать, простите. Возможно, мне просто показалось. Тогда прошу извинить меня.

– Показалось! – с плохо скрываемым раздражением ответил Коновалов и резко убрал руку с шинели. – А ты... ты всегда будешь не готова на большее? Всегда?

– Товарищ старший лейтенант, очень прошу Вас. Давайте прекратим этот разговор! – взглянув на лицо Ивана, Татьяна увидела на нём гримасу отчаяния и решила хоть как-то смягчить ситуацию. – По крайней мере, сейчас прекратим, хорошо? Война идёт, а мы ещё задание никак не выполним.

– Ясно, – пробормотал Коновалов. – Небось своему Вилору совсем другие слова говоришь.

– Иван! – Таня резко повысила голос. – Что Вы себе позволяете обо мне думать? У нас со Скубжевским чисто товарищеские отношения. Да, мы хорошо знаем друг друга, но это из-за совместной учёбы в разведшколе. Вот и всё. Извините, мне сегодня надо будет передать радиogramму в центр, её ещё нужно подготовить.

– О Скубжевском будет в радиogramме?

– А что о Скубжевском? Он что, провалил задание или к немцам перешёл на службу? Нет. Если о вчерашнем, то мне самой его поведение не понравилось, но считаю, что тут нет никаких оснований для информирования центра.

– Ясно, младший лейтенант Сёмина. Вам виднее. Раз нет оснований, то и нет, – с напускным безразличием произнёс Коновалов. – Вот только не обжечься бы с этим твоим Скубжевским. Смотри не пожалей потом, что так поступаешь.

Коновалов вышел из землянки.

Таня принялась нервно глотать остывший вчерашний чай из стоявшей на столе алюминиевой кружки. Она и не заметила, как в землянке появился Вилор. Лицо Скубжевского было крайне бледным, но во всём остальном он, похоже, смог с собой совладать.

– Доброе утро! Через полчаса радиосеанс?

– Через 28 минут, – взглянув на часы, нарочито точно ответила Татьяна и подумала: «А он, пожалуй, действительно боится, что я в центр сообщу. Тут, наверное, в чём-то Иван прав».

– Вот, передай это в центр, – Скубжевский вручил своей напарнице небольшой густо исписанный листочек.

Таня пробежала глазами текст. Вилор сообщал, что получить информацию об объекте Z от «языка» не удалось, вероятность взять нового «языка», владеющего нужными сведениями, минимальна, а потому просил для себя разрешения непосредственно направиться в райцентр и дальше действовать по обстоятельствам.

Девушке показалось, что Скубжевский, собираясь идти в посёлок, чуть ли не в сам немецкий штаб, хочет этим поступком реабилитировать себя за вчерашнее. Но она не могла не согласиться с Вилором в том, что вариант с «языком» отпадает и нужно искать что-то другое. Возможно, даже очень рискованное, но время поджимает.

– Хорошо, сейчас зашифрую.

– Что-нибудь ещё предлагаешь передать в центр? – Скубжевский не смог до конца подавить дрожь в голосе.

– Нет. Считаю, что всё написано полно и исчерпывающе. Передам в таком виде, – спокойно, но подчёркнуто холодно и официально ответила Татьяна.

Скубжевский ушёл, чувствуя себя лишним. Девушка приступила к шифрованию сообщения. Когда работа была закончена, да сеанса связи оставалось ещё 8 минут. Надо было включить рацию, проверить настройки частоты и ждать наступления нужного момента. Все эти действия у Татьяны были доведены до автоматизма. А когда руки действуют автономно от головы, то в эту самую голову начинают проникать всякие посторонние мысли. И даже очень неподходящие. Как сейчас, когда перед глазами Тани возник смутный, расплывчатый образ Курта Зайдлица, покорно ждущего своей участи с подрагивающими, словно в тике, плечами.

– Сгинь, сгинь навсегда, – прошептала Таня.

Усилием воли ей удалось стереть, словно ластиком, сгорбленную фигурку из памяти. Палец, тот самый палец, который вчера чувствовал мертвенный холод спускового крючка, начал посылать в эфир точки и тире. Без всякой дрожи. Это важно, поскольку в центре знают её почерк.

Закончив передачу и сняв наушники, Татьяна удовлетворённо улыбнулась: «Всё нормально. Я смогла и дальше смогу».

Ответа центра надо было ждать завтра в это же время. А сегодня, получается, совсем нечем заняться. Таня почувствовала, что её снова клонит в сон. «Странно, я же спала часов 12. Вообще не помню, когда столько спала. До войны разве что... Ладно, полежу ещё часика два-три, всё равно сегодня никаких заданий не будет».

Она натянула на себя шинель до подбородка и почти мгновенно заснула.

* * *

В поступившей на следующий день радиограмме было дано разрешение на проведение активных разведывательных мероприятий в райцентре с правом действовать в соответствии с оперативной обстановкой. При этом центр ещё раз настоятельно подчёркивал, что информация о характере деятельности объекта Z и точном месте его расположения нужна в предельно сжатые сроки.

– Всё ясно, – сухо произнес Вилор, прочитав протянутый Таней листочек с расшифрованной радиограммой. – Завтра пойду в посёлок. Ждать больше нельзя.

– Один пойдёшь? – аккуратно спросила девушка, всё ещё надеясь услышать благоприятный для себя ответ.

– Один! – Скубжевский словно ударом топора обрубил Татьяне надежду. – Пойми, нельзя рисковать нам обоим одновременно. Нам же надо найти этот чёртов объект. А если мы вдрут

попадёмся в посёлке оба, то что тогда? Придётся центру новых разведчиков забрасывать, а время потеряно.

Сёмина понимала, что её напарник прав, но ей было тяжело примириться со своей пассивной ролью. Таня рвалась туда, где опасно. Девушка чувствовала, что её душе нужна встряска. Ей абсолютно противопоказано сейчас сидеть на месте и предаваться воспоминаниям. Но ничего не поделаешь – Вилор как-никак командир, да и логика в его решении явная. «Может быть, попросить Ивана, чтобы меня взяли на какое-то задание вместе с партизанами в эти дни? – подумала девушка. – Нет, не пойду я к Коновалову, ещё неизвестно что подумает. Лучше я с Алексеем Сергеевичем посоветуюсь».

* * *

На следующий день с утра Вилор отправился в путь. Он сдал Тане на хранение свои документы и пистолет. Последним, что успел заметить Скубжевский, уходя из лагеря, был насмешливый взгляд Коновалова, стоявшего рядом с Портновым.

– Пошёл храбрость свою показывать. Ишь как глазами по сторонам зыркает!

– Кончай, Иван. Ты просто к нему несправедлив, – возразил комиссар. – А у парня впереди задачка о-го-го! Недаром их сюда с Большой земли забросили. Может, это поважнее будет, чем всё то, что отряд наш делает.

– Ну ты тоже, Алексей Сергеевич, скажешь, – недовольно пробурчал Иван. – Что мы, не воюем, что ли, совсем?

* * *

Вилор, углубившийся в заросли кустарника и лесной малины, не слышал, да и не мог слышать разговор командира и комиссара. Собственно, и сам этот разговор был для него совсем неважен. Скубжевского угнетала мысль об отсутствии чёткого плана действий. Вот придёт он в райцентр, и что дальше? С чего начать? Явок там после провала партизанских связных вообще нет никаких. На кого можно опереться, ни Коновалов, ни Портнов ему не посоветовали. И понятно почему. Иван вообще не местный. Портнов, правда, с Гомельщины, но совсем из другого района. В отряде есть, конечно, партизаны из окрестных населенных пунктов, но никто из них не смог указать надёжных людей. А может быть, Портнов их недостаточно подробно опросил. Хотя вряд ли, Алексей Сергеевич – человек вдумчивый и дотошный.

Солнце начинало потихоньку припекать на лесных полянках. Мысли в голове у Скубжевского потихоньку заплетались одна за другую. Хотелось пить и немножко посидеть. Путь пройден не очень большой, но прямо по лесу, да ещё такому болотистому, без тропинок, идти было тяжело. Вилор заметил впереди солнечную поляну и решил там сделать остановку минут на 20. Однако дойти до места привала ему было не суждено.

Сильнейший удар сзади по голове мгновенно свалил Скубжевского на землю. Его лицо соприкоснулось с мягким пушистым мхом, на который сверху тихонько начала просачиваться тонкая красная струйка от раны на затылке.

Около распластавшегося тела Вилора возникли фигуры двух молодых мужчин с характерными повязками на рукаве.

– Ты его не совсем грохнул? – спросил один из парней, более высокий, чем его напарник.

– Да нет! Очухается! Смотри, шевелится уже, – ответил второй, отбрасывая в сторону небольшое брёвнышко, которым был нанесён удар. – Давай быстрее кляп ему вобьём. И мешок на башку нахлобучим. Криевич приказал, чтоб этот хлыщ не видел, куда мы его везём.

Подхватив Скубжевского под руки, парни поволокли его к опушке леса, где стояла телега с лошадью.

Вилор пришёл в себя в тёмном помещении. Тусклый свет просачивался только из маленького окошка под самым потолком. Рядом с нарами, на которых он лежал, громоздилась фигура какого-то верзилы. Увидев нарукавную повязку, Скубжевский похолодел: «Полицай! Вот и всё... теперь пытаться будут». От мысли, что впереди лишь мучения и страшная боль, а затем неизбежная смерть, онемело всё, начиная с рук и ног и заканчивая самой способностью мыслить.

Верзила окатил Скубжевского ведром воды и зычно приказал:

– Встать! Выходи!

Вилор хотел пошевелить руками и только сейчас понял, что они связаны. Холодная вода из ведра подействовала отрезвляюще. Скубжевский смог подняться и вышел, подгоняемый верзилой, через открытую дверь в коридор. Через несколько минут они оказались в светлой комнате с жёлтыми занавесками, откуда вела дверь в чей-то кабинет.

За столом в комнате с занавесками сидел ещё один полицай, лениво теребящий лежавший у него коленях «шмайссер».

– Куда этого тащишь? К Криевичу? – полусонно спросил он у верзилы.

– К нему. Куда ж ещё? – ответил тот и, постучав, просунул свою коротко стриженую шишковатую голову в дверь. – Вацлав Зенонович, вот, доставил.

* * *

Посреди кабинета одиноко маячил облупившийся стул, напротив которого в нескольких метрах помещался массивный деревянный стол, сохранившийся с довоенных времён, когда за ним сидел первый секретарь райкома комсомола.

За столом виднелся человек средних лет в гражданском костюме. Внимательно глядя на Вилора, он неторопливо произнёс:

– Садитесь, господин Скубжевский. Вот стульчик для вас специально принесли. Не ахти, конечно, но сойдёт. Располагайтесь поудобнее. Руки, правда, развязать пока не могу, уж не обессудьте. Разговор у нас с вами будет длинный. Если, конечно, вы благоразумие проявите.

Верзила подвёл Вилора к стулу и опустил его на сиденье.

– Я могу идти? – обратился он к сидевшему за столом.

– Посиди в приёмной, Крамаренко, можешь ещё понадобится, – ответил тот и снова перевёл взгляд на Вилора. – Удобно вам, молодой человек?

– Откуда... откуда вы меня знаете? – запёкшимися губами еле произнёс Скубжевский.

– Служба у нас такая, чтоб всё обо всех знать. Вы же разведчик, насколько мне известно, а такие странные вопросы задаёте. Да, простите, забыл представиться, а то нехорошо получается: я вас знаю, а вы меня нет. Криевич Вацлав Зенонович.

«Так вот он какой, Криевич», – кровь застучала в голове Вилора. Скубжевский из последних сил попытался сосредоточиться и вспомнить всё, что он знал о сидящем напротив него человеке. Получалось не густо. Криевич Вацлав Зенонович, начальник местной вспомогательной полиции, 1898 года рождения, белорус, жил в Гродно. С женой развёлся ещё до освобождения Западной Белоруссии, имеет взрослых сына и дочь, которые проживали в Кракове. В 1940 году арестовывался органами НКВД, но впоследствии был отпущен. Включён в списки подлежащих высылке в Сибирь, но по каким-то причинам до начала войны высылка не была осуществлена. Перешёл на службу к немцам добровольно сразу после занятия ими Гродно.

Скубжевский подавленно молчал. В его голове пронеслись мысли, полные отчаяния: «Неужели это конец? Теперь будут пытаться. Наверное, этот звероподобный полицай у них это делает. Крамаренко, кажется. А может, сами немцы? Вон какие страшные щипцы на столе в углу лежат. И ещё что-то. Паяльник? Они им глаза выжигают? Как мне всё это выдержать? Смогу ли? А если нет, что тогда?»

– Молодой человек, туда вам ещё рано смотреть, – заметив обращённый на орудия пыток взгляд Вилора, невозмутимо произнес Криевич. – Надеюсь, что вы с этими любопытными предметами вообще не познакомитесь. Хотя как знать, тут от вас всё зависит.

– Пытайте меня, я ничего не скажу! – собрав воедино тающие душевные силы, почти прокричал Скубжевский. – За Родину, за Сталина умру!

– Зачем же так пафосно? Сталин ваш далеко, в Кремле сидит, и даже не знает, что у него такой пламенный офицер есть. И не узнает он о вас никогда при любом раскладе. Давайте обойдёмся без лозунгов. Они больше для вашей сослуживицы Сёминой подходят. Она – девушка фанатичная, а вы, надеюсь, более вдумчивы.

– Вы... вы и про Таню знаете? – Вилор не мог оправиться от шока.

– Знаю, как видите. А вы уже начали разбалтывать мне ваши большевистские секреты. Начало у нас в разговоре в правильном направлении прошло.

– Что, что я разболтал? Я ничего вам не сказал и не скажу!

– Назвали Сёмину Таней, а я даже об этом и не спрашивал.

– Так вы же сами о ней знаете.

– Что я знаю? Фамилию знаю, а имени я не произносил. Может, я его и не знал, но вы, спасибо большое, помогли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.